

С ЛЮБОВЬЮ.

ДИ КАПРИО

НИЛЬС ХАГЕН

Нильс Хаген
С любовью. Ди Каприо

«Грифон»

2019

УДК 821.113.4-3
ББК 84(4Дан)6-4

Хаген Н.

С любовью. Ди Каприо / Н. Хаген — «Грифон», 2019

ISBN 978-5-98862-504-9

Казалось бы, что может случиться с нашим соотечественником в Таиланде, куда ежегодно выезжают миллионы русских туристов? Приехал, заселился, выпил, лёг спать, проснулся, сходил на пляж, выпил – и так до самого отлёта. Иногда для разнообразия можно съездить на экскурсию. С известным видеоблогером Никитой Неоном вышло иначе: он прилетел, заселился, выпил, а на утро проснулся... в джунглях без денег, без документов, без штанов, без знания языка и местных обычаев. По счастью – или на беду – в джунглях Никита встретил одного неунывающего тайца со знанием английского языка... О дальнейших событиях читайте в третьей книге Нильса Хагена – датского автора, живущего и работающего в Москве. Вместе со своим героем писатель открывает загадочную тайскую жизнь так же ярко и образно, как когда-то в первых книгах открывал для себя загадочную русскую душу.

УДК 821.113.4-3

ББК 84(4Дан)6-4

ISBN 978-5-98862-504-9

© Хаген Н., 2019

© Грифон, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Нильс Хаген

С любовью. Ди Каприо

Когда идёшь в джунгли, не забывай нож.
Тайская народная мудрость

Если студия предложит мне возможность пригласить мою мать и бабушку, и всех моих друзей навестить меня бесплатно в Таиланде, я воспользуюсь этой возможностью.

Леонардо Ди Каприо

© Хаген Н., 2019

Часть первая

Глава первая

Никто не хотел лететь в Таиланд. Ни я, потому что – внеплановый «долбанный аудит» и «северный пушной зверёк», как говорят мои сотрудники. Ни Арита, но там всё ещё хуже – ей накануне подарили какой-то невероятно дорогой и навороченный крем для тела, «придающий коже необычайную гладкость и бархатистость», но у моей жены возникла аллергия на что-то в составе этого уникального крема – на какие-то энзимы или коэнзимы, и она вся, от макушки до пяток, покрылась пятнами. Аллерголог сказал, что это нарушение пигментации, и оно полностью пройдёт только месяца через три, не раньше. Представляете, какая трагедия? На пляж не выйдешь, новый купальник не наденешь...

И даже маленький Коля, он же Николай Нильсович Хаген, лететь в Таиланд не рвался – у него резались очередные, положенные в его два почти полных года зубы, и по этой причине он был мрачен, плаксив и вообще *vemodig*¹.

И хотя хмурый московский февраль, как ни один другой месяц года, располагал к поездке на берега тёплых морей, и все у нас в семье – и я, и моя прекрасная жена, и уж, конечно, маленький Николай Нильсович – обожали тропики, все эти пальмы, бунгало, навесы, коктейли, солнце и прочие прелести курортного туризма, но вот именно сейчас долгожданный отдых оказался совершенно не ко времени.

Однако билеты были давно куплены, пятизвёздочный отель на Пхукете оплачен, туда же должны были подтянуться наши друзья – большая компания с детьми, словом, ничего не оставалось делать, как отложить решение проблем на потом, закусить удила, затянуть ремни, собраться с силами и отправиться в аэропорт.

Всем нам – каждому по-своему, но тем не менее – требовалось так называемое «примирение с действительностью», но никто не знал, каким образом это самое примирение организовать. По крайней мере, до прибытия на Пхукет.

Вечно строящийся и перестраивающийся аэропорт Домодедово такому примирению тоже не способствовал. Здесь творилось нечто ужасное. Предыдущие пару дней погода не радовала, шли частые снегопады с сильным ветром, и, видимо, из-за отмены части рейсов в Домодедове случился, если выразаться журналистским языком, «локальный транспортный коллапс». Меня передёрнуло от недоброго предчувствия, и я посмотрел на Ариту. Лучше бы я этого не делал. Она сощурила глаза, как перед атакой, и стиснула мне руку.

– Милый, а почему мы летим не из Шереметьева? – с ледяным бешенством поинтересовалась Арита, недовольно осматривая разношёрстную толпу хаотично перемещающихся в пространстве пассажиров.

– Дорогая, – я постарался быть максимально любезным, – выбор аэропорта вылета не зависит от наших желаний. Так решил наш туроператор. Это как дождь или град. Просто прими это – и смирись.

Туроператора, к слову, выбирала сама Арита, но об этом я благоразумно умолчал.

– Не хочу смиряться, – капризно продолжала Арита. – Хочу Пина Коладу и на ручки...

– На учки! – с мамиными интонациями проныл из коляски Николай Нильсович. – На учки!

¹ Печальный, унылый.

Я вздохнул. Сжал зубы. Взял сына на руки, жену под руку, поместил сложенную коляску поверх багажной тележки и, почувствовав себя одновременно многоруким богом далайна из романа российского фантаста Логинова и индуистским богом Шивой, отправился искать стойку регистрации.

Отпуск начался...

Толпа озверевших от ожидания пассажиров приняла нас в свои объятия и потащила через людские водовороты и омуты к информационному табло. Мне наступили на ногу, толкнули в бок, я оглох от разноязычного гомона и только крепче прижимал к себе жену и сына, чтобы не потерять их в этом преддверии дантова ада.

– Может, вернёмся? – тихо и безнадежно спросила Арита.

Я посмотрел сверху вниз в её полные вселенской тоски глаза, вспомнил кота из «Шрека» и уже собрался произнести необходимые в таком случае утешительные слова, как вдруг по всему Домодедову пронёсся отчаянный вопль какого-то малыша с верхней части эскалатора:

– Мама! Я покакал!

Арита шмыгнула носом. Николай Нильсович перестал хныкать и подхватил:

– Я покакай! Я покакай!

– Давай громко разговаривать по-английски, – тихо, но твёрдо сказала Арита, и я понял, что это не предложение и не просьба.

– Зачем? – спросил я, переходя на язык Шекспира.

– Чтобы нас принимали за иностранцев и уступали дорогу, – ответила она по-английски с неистребимым и таким трогательным в её случае русским акцентом.

– Но мы и так иностранцы. У нас датское гражданство.

Арита грустно усмехнулась:

– Здесь, – она обвела свободной рукой толпу, – главное казаться, а не быть. Так что говори громче, как будто ты датский болельщик на чемпионате мира!

Мы начали говорить громче. И это подействовало!

Одна из вечных загадок России для меня – непонятное преклонение перед всем иностранным, особенно западным. К китайцам, корейцам и японцам русские относятся немного снисходительно, смотрят на них словно свысока. А вот французы, англичане или голландцы в любом русском коллективе сразу становятся статусными людьми – к ним прислушиваются, с ними говорят уважительно, им уступают место. Как нам сейчас.

Конечно, не все пассажиры, застрявшие в Домодедове, были русскими, но их оказалось большинство, и мы практически без потерь добрались до очереди к стойкам регистрации. А дальше пришлось застрять надолго – большой самолёт предполагает большое количество пассажиров, а в Таиланд из Москвы летают только большие самолёты, такие как наш Аэробус 330–300 – настоящий воздушный дом, способный переместить четыреста с лишним человек на одиннадцать тысяч километров.

Впрочем, если бы все стоящие перед нами в очереди были дисциплинированными и вежливыми, регистрацию мы бы прошли гораздо быстрее. Но, в полном соответствии с русской поговоркой «в семье не без урода», нашлись таковые и в нашей очереди. Нашими «уродами» оказалась шайка белобрых толстяков с одинаковыми фиолетовыми чемоданами, набитыми до отказа. Эти толстяки возникли откуда-то сбоку, бесцеремонно поднырнули под натянутые ремни ограждения и оказались впереди нас, вклинившись в очередь с таким видом, словно всегда тут стояли.

Всего их было пятеро: мощная дама лет шестидесяти, напоминающая снежную бабу, в платье и плетёной шляпке на абсолютно круглой голове; её дочь, похожая на мать как клон; муж дочери, почему-то тоже выглядящий как мужская версия тёщи и супруги, и двое сыновей – близнецы лет десяти-одиннадцати. Думаю, нет смысла пояснять, что и они в точности

походили на всю родню – такие же толстые, розовые, с белёсыми ресничками вокруг маленьких круглых глазок того невыносимо противного, пошлого цвета, который художники именуют «прованский синий».

Корпулентная дама в шляпке, явный вожак этой банды, утвердив свой пузатый чемодан едва ли не на ноги Арите, шумно выдохнула и с удовлетворением сказала:

– Ось туточки мы и будем стоять!

Я нахмурился и хотел было сделать замечание, тем более что стоявшие за нами люди уже начали возмущаться, но, посмотрев на Ариту, понял, что это не моя война. Видимо, все её волнения и переживания последних дней настойчиво требовали какого-то выплеска, и сейчас этот самый выплеск, как я понял, и должен был произойти.

Сузив глаза, Арита тихо, но очень внятно сказала даме в шляпке:

– Вы неправильно встали.

К этому моменту вокруг поросячьего вождя собрались все члены шайки. Они громко переговаривались, и мою жену никто не услышал. Но Арита была не из тех, кто отступает из-за таких пустяков.

Она протянула руку и подёргала даму в шляпке за рукав.

– Женщина! Я вам говорю! Вы неправильно встали!

Надо отдать должное Аритиной оппонентке – она была опытной склочницей и сразу же поняла, что это не просто разговор, а «битва железных канцлеров». Я прочитал всё по её лицу, на котором ещё до того, как она повернулась к Арите, возникла мерзкая улыбочка а-ля «сама любезность».

– Шо вы говорите? – спросила дама.

– Я говорю – это не ваше место, – глядя ей в глаза, сказала Арита, повысив голос.

Пассажиры вокруг с интересом прислушивались. Даже Николай Нильсович перестал кукситься и отламывать руку у трансформера. Сунув злосчастную руку в рот, он недобро уставился на мамину противницу.

– Интересные дела! – обернувшись к дочери и зятю, голосом профессиональной истерички завопила дама. – А иде моё место?!

– Вон там! – Арита монументальным жестом указала на конец очереди, к этому моменту уже загнувшийся к информационному табло. – Идите туда!

Из очереди раздались одобрительные выкрики, кто-то даже зааплодировал.

Дама засмеялась, фальшиво и натужно. Дочь, зять и внуки подхватили этот смех, и я невольно скривился – настолько это было омерзительно.

– Она ещё будет меня учить, где мне стоять! – обращаясь к семье, завопила дама.

– Идите туда!! – в голосе Ариты отчётливо зазвенела сталь. Признаться честно, когда она начинает разговаривать вот так, даже я её побаиваюсь.

Но дама, видимо, была плохим психологом. Или просто дурой. Она сложила из толстых, похожих на сардельки пальцев кукиш и повертела им в воздухе перед Аритиным носом.

– А дулю с маком не хочешь?!

Шайка свиноподобных поддержала выходку вождя обидным смехом.

– Охрану надо звать! – сказал кто-то у меня за спиной.

– Ты сама напросилась, – угрожающе понизив голос, процедила Арита. – Не хочешь по хорошему – будет по-плохому. Но ты встанешь на своё место!

И тут она совершила поступок, которого не ожидал даже я. Моя хрупкая Арита, мой нежный цветок и изящная лань, мои пятьдесят килограммов фитнеса и грации, вдруг схватила огромный фиолетовый чемодан дамы и одним движением – легко, словно пушинку, – зашвырнула его к информационному табло. Чемодан шлёпнулся на бок и с пушечным звуком лопнул, выметнув на пол пёструю кучу вещей.

Воцарилась гробовая тишина. У меня возникло ощущение, что замолчал вообще весь аэропорт. И в этой звенящей тишине неожиданно рассмеялся Николай Нильсович. А потом засмеялась вся очередь.

Здрав все свои пять подбородков к потолку, дама завопила так, словно её резали:

– Люди добры! Шо ж это делается!

Зять, отдав яблоко жене, направился в сторону Ариты, бормоча ругательства. Тут уже на передний план пришлось выдвинуться мне и с высоты моих двух метров вежливо спросить:

– Какие-то проблемы?

Совершенно не изменив выражения лица, зять вернулся к своей жене, забрал яблоко и принялся поедать его дальше, мрачно зыряка поросычьими глазками по сторонам. Дама в шляпке продолжала свою песню «Люди добрые...»

– Здесь добрых людей нет, – сказали ей из очереди.

Дама в шляпке перестала вопить, громко выматерилась и, ни на кого не глядя, двинулась к лопнувшему чемодану. Следом за ней, шумно сопя, потянулась вся шайка. На этом битва завершилась. Противник покинул поле боя. Арита могла праздновать победу, а я – выдохнуть: хоть кто-то из нас примирился с действительностью. Правда, примирение состоялось через преодоление, но это было лучше, чем ничего.

Завершив первую часть нашего приключения «Привет, Таиланд» и сдав багаж, мы отправились искать местечко, чтобы скоротать время до вылета. Все кафе, ресторанчики, все кресла и любые горизонтальные поверхности, включая неработающие информационные стойки и подоконники, оказались плотно усижены несчастными пассажирами. Те, кому не хватило места, расположились прямо на полу, и Арите было дико видеть, как люди брали в баре кофе, пиво, сэндвичи, садились у стены, вытягивали ноги и ели, словно дело происходило где-то в Гарлеме. Я попытался объяснить ей, что в Европе сидеть на полу в аэропортах – нормально, но она решительно воспротивилась этому.

– Они что – бомжи? Люди бешеные деньги заплатили за перелёт, а теперь сидят на холодном камне!

Я не стал спорить. Из разговоров вокруг мы поняли, что многие торчат в Домодедове уже третьи сутки, ожидая хорошей погоды и возобновления полётов.

– Бардак! – голосом капитана пиратского корабля резюмировала Арита.

– Айдак, – грустно согласился с мамой Николай Нильсович.

Он сейчас пребывал, как это называла Арита, в возрастной нише «попугайчик» и повторял всё, что слышал.

– Что предлагаешь? – спросил я.

– Почему я должна что-то предлагать? – удивилась Арита.

– Ваш главный космический конструктор Королёв часто повторял: «Критикуешь – предлагай. Предлагаешь – делай. Не сделал – увольняйся».

– Последнюю фразу ты сам придумал, – Арита обозначила улыбку.

– Может быть... Но всё же – у нас до посадки почти два часа, что будем делать? Кстати, здесь есть ВИП-зоны. Я предлагаю заплатить и переждать там.

Арита посмотрела на меня как на чудовище из сказки. В последнее время, после новогодних трат и поездки к моим родственникам в Данию, у нас было не очень хорошо с деньгами, и поэтому мы летели не бизнес-классом, да и вообще, что называется, сокращали траты. Вне зоны экономии у нас был только отдых в Таиланде. Естественно, моё предложение потратиться на ВИП-зону было встречено в штыки. Мы немного, как это водится у любящих супругов, поспорили, и всё закончилось гордой фразой Ариты:

– Если хочешь, можешь идти в свою ВИП-зону. Нам с Колей и тут нормально. Дай мне ребёнка!

Выбора у меня не осталось, и мы принялись фланировать по терминалам, наблюдая коловращение жизни. Жизнь, надо сказать, коловращалась весьма старательно – примерно за час променада мы стали свидетелями одной мелкой драки, нескольких семейных скандалов и оказали помощь пожилой женщине, которой стало плохо.

После этого, по закону кармы, нам улыбнулась удача, и мы наконец-то заняли столик в Foster's Bar.

Следующий час мы провели с относительным комфортом – я пил пиво, Арита – чай без лимона, мы уплетали сосиски, не давали Николаю Нильсовичу чипсы и искали в ручной клади жёлтую машинку. Когда Арита вспомнила, что оставила её дома, в прихожей на зеркале, случился локальный апокалипсис с рёвом и дрыганьем руками и ногами. Неизвестно, чем бы это всё закончилось, но тут, слава всем богам, объявили посадку на наш рейс.

Расположившись в креслах нашего комфортабельного аэробуса, мы должны были выдохнуть, вытянуть ноги, расслабиться и получать удовольствие от полёта, но это – в теории. На практике комфортабельный аэробус изнутри напоминал что-то среднее между Ноевым ковчегом и пабом в центре Дублина в пятницу вечером. У меня вообще сложилось ощущение, что всех, кто громче других гомонил, хохотал, ругался, плакал и орал в аэропорту, запихнули в наш самолёт.

– Глебыч! Ты куда засунул... ЭТО?! – могучим басом заорал у меня над ухом крепкий лобастый парень в белой футболке.

– В синей сумке посмотри! – ответили ему откуда-то из конца салона.

– Смотрел! – опять заорал лобастый. – Нету!

– Значит, у Серёги!

Серёга обнаружился через проход от нас. Он был длинноволос, худ и рыж, как Тиль Уленшпигель.

– Я Ксюхе отдал! – провозгласил он фальцетом на весь самолёт. – У неё в рюкзаке! Все три бутылки!

– Тихо ты! Не пались! – сделав зверское лицо, проорал лобастый.

– Я их сейчас всех загрызу, – громко сказала Арита, глядя прямо перед собой.

Из подмышки лобастого вынырнула стюардесса с замученным лицом и голосом учительницы начальных классов провозгласила:

– За распитие спиртных напитков будем высаживать!

– На лету! – радостно крикнул волосатый Серёга.

Никто не засмеялся.

– Девушка, когда мы уже полетим? – со стоном спросил кто-то с соседнего ряда, адресуя свой вопрос стюардессе.

– Когда положено, тогда и... – огрызнулась та, протискиваясь через пассажиров. – Мужчина, уберите сумку! Девушка, сядьте на своё место! Женщина, почему у вас чемодан в салоне?

– Так это ж ручная кладь! – ответил знакомый голос, и где-то впереди заколыхалась плетёная шляпа.

– Всё, мы никуда не летим, – сказала Арита и попыталась встать.

Пришлось включить режим «добрый датский психолог дядюшка Нильс» и минут двадцать уговаривать бедную Ариту, живописуя ей прелести грядущего отдыха, как там будем хорошо Николаю Нильсовичу, ей самой, а ради белого песочка и ласкового моря можно и потерпеть.

Пока шёл сеанс психотерапии, все наконец-то расселись, распихали багаж, закончили ругаться и бороться за места у окон, и наступила относительная тишина. Самолёт запустил двигатели, в салоне помигал свет, в проходах появились стюардессы со спасательными жиле-

тами и масками, готовые продемонстрировать нам, как себя вести в непредвиденных случаях. Из динамиков донёлся бубнёж командира экипажа.

– Скоро взлетим, потом еду принесут, – сказал я Арите. – Видишь, жизнь налаживается, всё закончилось.

– Ксюха, передай рюкзак! – перебил меня рык лобастого – он сидел через проход от меня, на два места ближе к носу самолёта.

– Всё только начинается, – печально вздохнула Арита.

...Она, конечно же, была права. Перелёт через полмира – это отдельное испытание для всех систем человеческого организма. Пассажиры преодолевали его каждый по-своему – кто-то пытался смотреть кино, кто-то читал, но основная масса бродила по салону, разминая ноги, и тихонько выпивала, стараясь не попадаться на глаза бдительным членам экипажа. Так или иначе, в итоге все успокоились. Я усадил Николая Нильсовича смотреть мультики, надул и вручил Арите «подушечку путешественника», наконец-то вытянул ноги в проход и, сделав вид, что копаюсь в телефоне, принялся наблюдать за пассажирами.

В русском языке есть такое замечательное слово – «прибухивать». Это значит «выпивать потихонечку», по глоточку, но постоянно. Постояли, поговорили о чём-то, достали бутылочку виски или коньяка, заблаговременно приобретённую в дьюти-фри, быстренько выпили, шумно выдохнули – и продолжили разговор.

– Интересно, – сказала Арита, которая, как выяснилось, тоже наблюдала за ближайшей к нам компанией «прибухистов», возглавляемой лобастым и волосатым Серёгой, – поезда в Таиланд ходят? Такие... Безалкогольные? И чтобы купе с дверью?

– Конечно, – с улыбкой кивнул я. – Из Лаоса. «Вьентьян – Бангкок», скоростной экспресс с вагонами повышенной комфортности.

– Шутит он, – без улыбки кивнула Арита. – Весело ему, слышишь, Коленька? А мы тут с тобой в этом...

– Вам курицу или рыбу? – спасла меня вовремя подоспевшая стюардесса.

– Fish, please. And red wine. Two red wines!² – не глядя на неё, сказала Арита.

– Ты же против пьянства, дорогая, – не удержался я.

– Не можешь предотвратить – возглавь! – всё так же без улыбки ответила она и добавила, кивнув на сына: – А вы, господин Хаген, следите за ребёнком. Он у вас вместо мультиков уже полчаса смотрит «Войну миров Z».

² «Рыбу, пожалуйста. И красного вина. Двойную порцию» (англ.).

Глава вторая

– Памля! – маленький Николай Нильсович с гордостью первооткрывателя тыкал пальцем в стекло машины, за которым проплывал мирный тайский пейзаж.

– Пальма, – терпеливо поправляла Арита.

– Памля! – радостно тыкал в очередное дерево сын.

– Пальма, – соглашалась жена.

Детские словечки звучат удивительно трогательно и вызывают умиление, когда ты слышишь их впервые, но умиляться словотворчеству, когда оно повторено сто раз, выходит примерно так же, как смеяться над сто раз подряд рассказанным анекдотом.

От аэропорта до отеля мы ехали уже полчаса, и всё это время мои домашние ни на минуту не прерывали высокоинтеллектуального диалога. Первое арековое дерево, иначе называемое бетелевой пальмой, ребёнок увидел на стоянке возле аэропорта. Он не нашёл слов и только молча указал на чудо-растение.

– Пальма, – улыбнулась ему тогда Арита.

И понеслось...

– Памля! – наверное, в сто пятидесятый раз ткнул пальцем в окно автомобиля маленький Хаген.

Не могу сказать, на сколько ещё «памль» хватило бы моего терпения, по счастью, выяснять это на практике не пришлось: автомобиль свернул на узкий, в две полосы, «стрит» и подкатил к отелю.

– Отель, – с невероятным облегчением указал я сыну на белоснежное здание.

– Памля! – бодро ответил сын, указывая на приотельную флору.

Так называемые «английские учёные» из новостных лент разных социальных сетей утверждают, что привычка возникает у человека на двадцать первый день. То есть если приучать себя к чему-то многократным повторением, через три недели это «что-то» становится неотъемлемой частью бытия. Такая перспектива, возможно, и была научно обоснована, но меня точно не устраивала. Я готов был поверить, что через три недели привыкну к «памлям» и перестану обращать на них внимание, вот только уверенности в том, что моя нервная система не загноётся за это время, не было.

Расплатившись с водителем, я уже привычно подхватил сына на руки, жену под руку и направился к гостиничным дверям, за которыми должны были закончиться все наши проблемы. Вход в отель со скучающим рядом портье грезился мне сейчас охраняемыми святым Петром воротами, за которыми нас ожидали райские кущи, море беззаботного безделья и милая дружеская компания.

Как я уже говорил, на Пхукет мы договорились ехать большой весёлой толпой. Затеял всю эту круговерть Руслан – огромный, шумный и невероятно добрый, он с первого знакомства ассоциировался у меня с настоящим русским мужиком из глубинки, хотя и был москвичом в третьем поколении. Сдружились мы с ним тысячу лет назад, и это практически без преувеличений: он был одним из первых моих русских знакомых. В какой-то момент пути наши почти разбежались, но в последнее время снова сошлись. Причём способствовали этому сближению наши жёны: моя Арита и его Людмила – милая и удивительно тихая, в противоположность мужу, женщина.

Помню, когда я впервые рассказал о своей знакомой паре на работе, возникла странная реакция. Мой коллега Дмитрий, которого я на тот момент считал близким другом, весело расхохотался и спросил: «Твой Руслан себе жену специально по имени выбирал?» – чем крепко меня озадачил. Это уже потом, когда Арита занялась моим образованием, я прочитал Пушкина и понял, что так развеселило коллегу.

У Руслана и Людмилы было двое детей – погодки пяти и шести лет отроду, названные без затей Мишей и Машей. Всё это весёлое белобрысое семейство собралось в Таиланд как раз в тот день, когда Руслан и Людмила сидели у нас на кухне за бутылочкой «Bordeaux», а в комнате за стеной Миша мешал Маше нянчиться с Николаем Нильсовичем. Предложение казалось привлекательным, было сделано от души, так что мы с Аритой легко согласились.

Другой парой, откликнувшейся на «привлекательное предложение», оказались Денис и Марина. Вот Денис как раз коренным москвичом не был, он приехал в столицу из какой-то российской глубинки, но при этом почему-то походил не то на грека, не то на итальянца – темноволосый, не лишённый изящества, с утончённой растительностью на лице и чёрными как маслины глазами. Занимался он всяческим рекламным креативом, собственно, благодаря его профессии мы и познакомились. Свёл нас Руслан, когда я заикнулся, что моему офису нужны услуги рекламщика. В работе Денис оказался шустрым, активным и пронырливым. Он знал массу хитростей, всегда везде успевал, при этом делал всё с такой невообразимой лёгкостью и как бы между делом, что временами казался бездельником.

Его жена Марина являлась ярким представителем московского гламура. Она вела ничего не значащий блог, поддерживала нужный имидж, оставляя львиную долю гонораров мужа в модных бутиках, и даже завела себе злобную собачку карманной породы. Денис, казавшийся совершенным пацифистом-пофигистом, живший с откопанным в пыли прошлого века девизом: «Make love, not war!», с пониманием относился и к блогу, и к бесконечным магазинам, но собачку, кажется, люто возненавидел.

Сыну Марины и Дениса, носящему нетипичное для России имя – Стефано, вот-вот должно было исполниться четырнадцать лет. Он вступал в тот опасный возраст, когда всё, что говорят старшие, априори вызывает агрессивное несогласие, но ещё не вышел из того возраста, в котором нет никакой возможности отмахнуться от едущих на море родителей и остаться одному дома.

И вся эта разнокалиберная компания должна была встретить нас уже в отеле. Она и встретила.

Портье распахнул перед нами «двери рая», и...

– Атя-тятя-тятя-дра! – ударило по ушам дружным хором, совсем не похожим на пение райских птиц.

Маша и Миша сидели на диванчике посреди огромного отельного холла, беззаботно махали ногами и дружно «атя-тятя-дракали». На другом краю дивана сидел хмурым сычом Стефано с заткнутыми в уши каплями наушников и слушал какое-то рэповое подобие музыки. Звук его плеера, судя по всему, был вывернут на максимум, но перекрыть слаженные вопли погодок не смог бы ни один рэпер.

– Атя-тятя-тятя-дра! – громогласно разнеслось по холлу.

Навстречу нам спешила Людмила.

– С прибытием, – виновато улыбнулась она, будто извиняясь за вопли.

– Привет, – расплылась в улыбке Арита, приобнимая подругу. – А где Рус? Где Денис с Маришей?

– Атя-тятя-тятя-дра! – вновь пронеслось по холлу. Николай Нильсович с чрезвычайным любопытством воззрился на источник звука и тоже заулыбался.

Людмила же напротив – сделалась серьёзной:

– Ой, они в больнице.

– Что случилось? – выдохнул я, ощущая, как перед носом захлопываются врата рая.

– Атя-тятя-тятя-дра! – прокатилось по холлу.

– Денька взял скутер на прокат, – тихо и быстро принялась рассказывать Людмила, – разогнался и упал. Скутер помял, получил лёгкое сотрясение, и рука сломана. Но уже всё в

порядке. Ему сейчас гипс накладывают. Мариночка и Русик с ним в больницу поехали, а я вот с детьми сижу. Хорошо, что вы теперь тут.

– Атя-тятя-тятя-дра!!!

– Да хватит уже! – взвился Стефано, выдернув каплю наушника.

Погодки будто только этого и ждали:

– Атя-тятя-тятя-дра!!! Атя-тятя-тятя-дра!!! – заорали они хором с новой силой.

Стефано озлился, маленький Хаген пришёл в восторг.

– Нам заселиться надо, – схватился я за первый попавшийся предлог с тем отчаянием, с каким утопающий хватается за соломинку. – Вещи разобрать. И перелёт был тяжёлым, Коле нужно отдохнуть. Мы немного позже спустимся.

– Атя-тятя-тятя-дра!!!

Коля предательски захохотал, всем своим видом давая понять, что на уставшего ребёнка он похож примерно так же, как его двухметровый папа на Маленького Мука, и я поспешил ретироваться к стойке рецепции.

Через пять минут, под нескончаемое «атя-тятя-дра», все формальности были улажены, бумаги заполнены, ключи получены, багаж отправлен в номер, а мы наконец-то зашли в лифт.

– Тебе не стыдно? – накинулась на меня Арита, как только мы оказались одни.

– А что такое? – не понял я.

– Люда там с тремя детьми зашивается, а господин Хаген отдохнуть решил.

Людмилу, конечно, было жалко, но ведь это не я бросил её одну с тремя детьми. Да, и двое из этих троих, кстати, были её детьми. Так почему это должно вдруг стать моей проблемой и почему мне должно быть стыдно? Но ответить жене, у которой проснулся приступ сердоболия, я не успел.

– Атя-тятя-тятя-дра! – звонко возвестил сын на весь лифт.

И я почувствовал неожиданный прилив ностальгии по его умильным «памлям».

Как писал русский поэт Некрасов: «Мужик что бык: втемяшится в башку какая блажь – колом её оттудова не выбьешь». Про русских женщин он высказался ещё ярче: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», чем однозначно поставил женское упорство и целеустремлённость выше мужских. Арита была современной русской женщиной, потому если ей «втемяшивалась какая-то блажь», она упиралась не как бык, а как несущийся на полном ходу локомотив, и остановить могла, должно быть, не коня, а целый табун. В общем, если Арита что-то для себя решала, то спорить с ней было бесполезно, а порой и небезопасно.

Это я к тому, что вместо того, чтобы отдохнуть с дороги в номере под кондиционером, мы спустились вниз и проявили лучшие человеческие качества: понимание, сочувствие и заботу. Вернее сказать, проявлял их я, пытаюсь одновременно уследить за собственным сыном, погодками в бассейне и мрачным, как персонаж Гауфа, пубертатным подростком. Последний, к счастью, не требовал особенного внимания, потому как монументально возлежал на шезлонге с наушниками в ушах и кислой миной на лице.

Арита с Людмилой устроились на соседних шезлонгах и мило щебетали о чём-то, потягивая через трубочку «Голубые Гавайи», с полной уверенностью, что детей контролируют они, а я «развожу панику».

Руслан и Денис с Мариной вернулись когда уже стемнело. Выглядели они уставшими, а у Дениса с загипсованной рукой нездорово блестели глаза. Трудно сказать, что вкатили ему тайские медики, но это «что-то» его явно ещё не отпустило. Идея совместного ужина, которую вынашивали Арита с Людмилой, на моё счастье, трансформировалась в идею совместного завтрака, и наши друзья разбрелись по номерам. Но тихого семейного ужина тоже не получилось. К этому времени в Николае Нильсовиче, как выражается моя драгоценная супруга, «села

батарейка», и из весёлого беззаботного малыша он снова превратился в капризную буку. Пришлось завернуть ужин с собой и спешно вернуться в номер.

Николай Нильсович мгновенно заснул, а Арита уединилась в ванной комнате с походной косметичкой, в которую мог уместиться мой квартальный отчёт, распечатанный четырнадцатым шрифтом через два пробела. Я же остался один в совершенно истерзанном состоянии. Можно было бы последовать примеру сына и завалиться в кровать, но желание спать почему-то атрофировалось. Я постучал в ванную комнату и потянул за ручку. Дверь оказалась заперта, зато из-за неё тут же послышался голос Ариты:

– Эй-ей! Занято!

– Милая, – тихонько, чтобы не разбудить младшего Хагена, проговорил я в закрытую дверь, – я пойду немного пройдуся.

– Куда это ты собрался? – тут же насторожилась Арита.

– Хочу немножко отдохнуть, – честно признался я и тут же был вынужден отшатнуться, чтобы не получить в лоб распахнувшейся дверью.

В узком проёме появилось лицо Ариты, покрытое странного цвета маской, и в меня упёрся немигающий, как у удава, взгляд жены.

– А полдня у бассейна ты чем занимался?

– Просто хочу немного выпить, – я почувствовал, что ещё чуть-чуть и начну оправдываться, хотя оправдываться мне было совершенно не за что. – Заодно осмотрюсь, где тут что.

– Хорошо, – разрешила Арита таким тоном, как будто мы были в Голландии и я отпрашивался на ночную прогулку по злачному кварталу «Де Валлен»³. —Только учти, что я тоже спать хочу.

И дверь в ванную комнату закрылась у меня перед носом.

На улице, несмотря на позднее время, было так же душно и влажно, как днём. Я шёл от отеля к морю и думал, что любовь – странная штука. Может, в первый момент она и делает людей сильнее и швыряет на подвиги, но потом чувство трансформируется, становится бытовым, и это трансформированное состояние способно размягчить даже викинга.

Не скажу, что женитьба и рождение сына сделали меня подкаблучником, но... Месяц назад Арита завела разговор о том, что у меня дома маленький ребёнок и неплохо было бы убрать куда подальше мою коллекцию топоров, а лучше всего – вообще отправить её к родителям в Данию. И я не ответил ей категорическим отказом. Конечно, понятно: если мужчина говорит «я подумаю» – это означает вежливое «нет», только это понятно другому мужчине, не женщине. И если я на предложение избавиться от любимой коллекции начинаю юлить, то, наверное, это повод задуматься о своей мягкотелости. Или не повод?

Пляж был пуст, если не считать прогуливающейся вдалеке парочки. Молодые люди явно искали уединения, но несколько иного, нежели я. Тихо плескалось море, шуршали листьями пальмы. Над головой раскинулось загадочное южное небо чернильного цвета. Я брёл по пляжу и бережно возвращал в себе возникшее, наконец, ощущение начинающегося отдыха.

Далеко впереди светился неяркими желтоватыми огнями бар, и я с удовольствием направил стопы к питейному заведению.

Вот там-то мы с ним и встретились.

Он подошёл ко мне, когда я устроился на высоком барном стуле и заказал местного пива. Светловолосый, загорелый, с глазами цвета неба и бородкой той длины, которая только-только пересекла грань, отделяющую бороду от небритости.

³ Такое имя официально носит квартал красных фонарей в Амстердаме.

– Болеешь за «Эвертон»? – поинтересовался он на английском, глядя на мой стакан с зелёной эмблемой на боку, на которой красовались два крохотных слоника и размашистая надпись «Chang».

– Почему за «Эвертон»? – не понял я.

– Пиво «Chang» – спонсор футбольного клуба «Эвертон», «Singha» спонсирует «Челси». Кто за что болеет, тот то и пьёт.

Он легко оседлал соседний стул.

– А ты, значит, турист и недавно приехал.

– Почему это?

– Почему турист? Или почему недавно приехал? – улыбнулся незнакомец. – Турист, потому что спрашиваешь про «Эвертон». Недавно приехал, потому что белый, как моя смерть. Откуда ты, приятель? Русский?

– Нет, – честно сказал, я. – Датчанин.

– Да ладно! – фыркнул мой визави, переходя на чистый русский.

– Нет, правда датчанин, – я тоже перешёл на русский. – Хотя и живу в России.

Незнакомец поглядел на меня с прищуром:

– Значит, давно живёшь, есть у тебя в глазах что-то такое... Как БГ пел: «Я гляжу на это дело в древнерусской тоске». БГ слышал?

Я неопределённо повёл плечом, понимая только, что речь идёт, видимо, о каком-то русском исполнителе. Но мои познания в современной русской эстраде были слабее, чем в русской литературной классике и советском кино, которыми не без удовольствия пичкала меня Арита.

– Угостишь? – практически без перехода задал следующий вопрос незнакомец.

На этот раз пришёл мой черед пристально взглянуть на незнакомца. Знаете, бывает так, что человек смотрится неотъемлемой частью какого-то места. И это не та связь человека с местом, как если он приходит каждую пятницу в один и тот же паб и пропивает там круглую сумму. И даже не такая, как если он неизменно садится за один и тот же столик, заказывает одно и то же пиво, выпивает его – всегда четыре кружки, отсидывая ровно с восьми до десяти вечера – и так на протяжении десяти лет. Нет, эта связь значительно глубже. Благодаря подобным связям храм Покрова на Рву переименовался в Собор Василия Блаженного.

Незнакомец выглядел частью того места, где мы сидели. Ему невозможно было ответить отказом, просто потому что он смотрелся здесь так же естественно, как потёртости на барной стойке, бармен-бирманец или близкий плеск моря. И я жестом попросил бармена налить второй бокал.

Мой визави поглядел на меня с возросшим уважением и протянул руку:

– Никита.

– Нильс, – ответил я на рукопожатие.

– Надо же, правда датчанин, – гыгыкнул Никита. – А я думал, прикалываешься.

Он чинно поднял бокал, сделал несколько неторопливых глотков без какого-либо намёка на похмельный тремор или алкогольную нервозность, с достоинством вернул бокал на стойку и поведаль, как артист со сцены:

– А я родом из Челябинска.

Я вежливо кивнул. В Челябинске я никогда не был, и мои познания об этом городе ограничивались видеороликами с падающим метеоритом и множественными интернет-мемами, рисующими это место исключительно суровым, brutальным и, вероятно, малопригодным для жизни.

– А здесь ты как оказался? – поинтересовался я, чтобы поддержать разговор и при этом соскользнуть с неудобной темы. – Отдыхать приехал? Или в командировку?

Никита посмотрел на меня странно, что можно было понять: с его загаром предположение про командировку звучало нелепо. Разве что он приехал сюда год назад, но кому бы и для чего пришлось бы в голову командировать человека на Пхукет из Челябинска на год?

– Это долгая история, – Никита сделал большой, в половину бокала, глоток, выдерживая драматическую паузу, наконец отставил бокал и закончил:

– Если не торопишься, могу рассказать, но понадобится больше... – он указал на пивной бокал.

После сумасшедшего дня в неспешности Никиты было что-то завораживающее, да и рассказчик он был наверняка неплохой, во всяком случае, разжигать интерес на ровном месте у него получалось неплохо.

Я жестом попросил бармена повторить напитки, тем более что у меня пиво уже заканчивалось. Никита срисовал жест едва ли не раньше бармена и воспринял его как призыв к действию:

– На самом деле, я в Челябинске давно не живу, – заговорил он. – Как школу окончил, год проболтался и слинял столицу покорять.

– А родители не были против?

– Мать со мной редко спорит. А отцу меня сплавлять не впервой. Он меня в двенадцать лет в Бостон в частный пансион отправил. В шестнадцать я, правда, оттуда вернулся, но быстро заскучал. Потом, когда решил в Москву перебраться, отец только обрадовался. Нет, виду он, конечно, не показал, но я ж всё понимаю. Я у него внебрачный сын, когда на виду – жить мешаю, жена вопросы задаёт лишние. Так что ему проще было меня спроводить куда подальше. Если б я в Антарктиду собрался, он, наверное, и в этом меня поддержал. Отец на горной промышленности завязан, так что прогнал он мне радостную пургу про важность профессии, поднял связи и отправил меня из Соколиной горы – это посёлок такой престижный в Челябинске – в Горный институт при МИСиС, ну этот, который на Ленинском. Кроме того, снял мне квартиру в Москве, купил бээмвэxu подержанную и денег на карточку Сбера накинул. Так что я на предка не в обиде.

– Так ты в горном бизнесе?

– Ага, в «горном», – ухмыльнулся Никита. – В игорном.

Он посмотрел на меня с лукавой улыбкой, поднял бокал и отсалютовал пивом с тем видом, с каким Ди Каприо салютовал шампанским в новой экранизации «Великого Гэтсби».

– Похож?

– На кого? – не понял я.

– На Ди Каприо!

Я поглядел на Никиту, пытаясь найти в нём созвучные с оscarоносным Лео черты, но безуспешно. Да, он тоже был светлоглазым, русоволосым и жест бокалом сделал очень похоже, но схожесть с Ди Каприо трудно было заподозрить, даже если вы ни черта не смыслите в физиогномике.

– Не очень, – честно признался я.

– Что бы ты понимал, принц датский... – с какой-то неясной тоской произнёс Никита и опорожнил бокал.

Впрочем, за вторым он тянуться не торопился.

– В Горном я так и недоучился, – продолжил он как ни в чём не бывало. – Карманные деньги и BMW под задницей позволили довольно быстро стать своим парнем в разных центральных компаниях. Компанейским я был всегда, но приезжому в московской тусовке осваиваться куда проще с деньгами и бумером, чем без них. Уже через полгода я больше тусовался, чем учился. Причём тусовался правильно и с правильными людьми.

Он придвинул к себе пиво и испытующе посмотрел на меня:

– Ты правда не торопишься? Потому что это очень долгая история.

Глава третья

В то злополучное утро Никита проснулся поздно – сказывались последствия вчерашних возлияний в компании Сявы и толстого Жиндоса. Оба этих великовозрастных бездельника успешно прожигали жизнь на родительские деньги, делая вид, что учатся в Горном, хотя давно уже стали в ректорате притчей во языцех как главные кандидаты на отчисление. Каждую сессию преподаватели надеялись, что студенты Савин и Демидов наконец-то покинут вузовские стены навсегда, но, увы, – волшебная сила денежных знаков в конвертах позволяла им всякий раз удержаться на плаву.

Так случилось и в эту сессию, и, получив в зачётку последнюю тройку, высокий брутал Сява радостно объявил:

– А теперь бухаем!

Начали в ресторане «Valenok». Обстоятельно поели – Жиндос был большой спец и фанат этого дела. Выпили для разминки бутылочку ноль-семь «Glenfiddich» и собрались уже переместиться куда-нибудь в более весёлое и модное место, как вдруг за соседним столиком нарисовались три скучающие девицы самой зазывающей наружности – губки, попки, грудки, глазки.

– Девчонки, хотите выпить? – сразу взял быка за рога Сява.

Девчонки переглянулись, захихикали и согласились. С этого всё и началось.

Спустя несколько часов и ресторанов перезнакомившаяся компания очутилась на палубе прогулочного кораблика, плюхающего по Москве-реке мимо Кремля. Народ к этому моменту уже определился по парам: Сяве досталась смугляночка Неля, Жиндосу – блондинка Саша, а Никите – фигуристка Таня, от слова «фигура», а не от олимпийского вида спорта. Она, правда, была чуть постарше своих подружек, но не настолько, чтобы Никита расстроился.

И всё бы ничего, но в корабельном баре они столкнулись с компанией примерно таких же нетрезвых немцев, и начался разговор, и вышел спор, и было заключено пари – кто кого перепьёт. Никита с друзьями не уронил высокое знамя русских питейных традиций, но финал дня помнил смутно, а окончание алкогольного турне и вовсе исчезло из его памяти.

Наутро, лёжа в кровати в своей съёмной квартире на Нагатинской, он переживал сразу целую гамму ощущений – боль в голове, дрожь в чреслах, изжогу и странный зуд кожи на спине. Хотелось пить, выпить и сдохнуть – в общем, как и всегда с сильного похмелья.

Никита с трудом сел, опустив босые ноги на холодный пол, и обнаружил себя полностью раздетым.

«Интересное кино», – подумал он, встал и пошлёпал на кухню.

Обычно Никита спал в футболке и трусах, и отсутствие одежды его действительно удивило. Проходя мимо зеркала, висящего в простенке между коридором и кухней, он краем глаза увидел источник зуда – вся его спина была страстно исцарапана вдоль и поперёк.

– Ни хрена ж себе! – громко сказал Никита и посмотрел на кровать, где громоздилось скомканное одеяло.

От звуков его голоса одеяло зашевелилось, и из-под него появилась рыжая всклокоченная голова Тани. Выглядела Таня, мягко говоря, помято.

– Привет! – улыбнулся Никита.

– Шампанское есть? – спросила Таня. По охриплости её голоса опытному в таких делах Никите стало ясно, что он-то на самом деле чувствует себя ещё сносно.

На кухне на столе он увидел початую бутылку брютта, кивнул.

– Есть.

– Сделай грамм триста со льдом и принеси, – велела Таня и без сил откинулась на подушки.

Она именно что – велела. Не попросила, не предложила, а сказала так, словно всю жизнь прожила в замке со слугами.

– Сама сделай. Или потерпи, я сейчас не могу, – пожал плечами Никита и пошёл в туалет.

– Мальчик, – прохрипела Таня ему в спину. – Ты как разговариваешь? Ты вообще знаешь, кто я?

Начинать день с ругани не хотелось, и Никита как можно веселее сказал:

– Конечно, знаю. Танька-встанька, ты сама вчера говорила, что у тебя такое прозвище в универе было.

Таня хмыкнула, выбралась из-под одеяла и, как была голышом, села, скрестив ноги по-турецки, наклонилась вперёд – так, что её груди некрасиво отвисли, и свистящим шёпотом произнесла:

– Я – Татьяна Спица! Ты что, меня не узнал?

Никита несколько секунд смотрел на неё, а потом вдруг прикрыл ладонями мужское достоинство. Прикрыл инстинктивно, устыдившись, потому что – узнал. В голове пронеслось: «Ё-моё, я трахнул саму Спицу! Вот это крутяк!.. Вот я осёл... Чё теперь будет?»

– Так я получу своё шампанское или нет? – прервала ход его мыслей Таня.

– Да-да, сейчас, – мелко закивал Никита и, забыв про туалет, сиганул на кухню.

...Татьяна Спица была не просто светской львицей, телеведущей и автором колонок в модных женских журналах. Она вела YouTube-канал, аудитория которого давно перевалила за миллион подписчиков, и была кумиром всех женщин – от тинейджеров до стареющих матюр за пятьдесят.

В своём блоге Спица учила, как нужно соблазнять мужчин, как их обманывать и разводить на деньги, подарки и поездки; в общем, как жить за мужской счёт и не париться.

Спица была звездой.

– Ваше шампанское, – Никита вернулся из кухни в фартуке и с бокалом в руке.

– Ваше! – фыркнула Таня. – Ты ещё меня давай по имени-отчеству назови.

– А как... ваше отчество? – тихо спросил Никита.

– Так, всё, Никитос! – отпив шампанского, Таня встала, улыбнулась, поставила бокал и потянулась всем своим далеко ещё не старым и весьма соблазнительным телом. – Пошутили – и хватит. Я для тебя – просто Таня. А теперь давай, одевайся и гони в магазин. Купишь яйца, бананы, молоко и ещё шампанского. У меня до двух часов свободное время. Я хочу есть, но не хочу никуда ехать.

Никита кивнул и бросился к шкафу – одеваться.

– Постой, – остановила его Таня. – Ты что, правда меня не узнал вчера?

– Так темно было вначале, а потом мы все уже накушались, – начал оправдываться Никита.

– Значит, Нелька мне хороший грим навела, – улыбнулась Таня. – Ну всё, давай рысью, я правда есть хочу!

Вот так и получилось, что Никита, не прилагая никаких усилий, внезапно стал любовником и близким другом популярной дивы.

И завертелась весёлая, шальная, яркая жизнь!

Тусовки следовали за тусовками, фуршеты за приёмами, презентации за показами мод, и всё это заканчивалось неизменными афтерпати, переходящими в новые тусовки. Таня оказалась женщиной на удивление доброй и простой, хотя и весьма избалованной. Она любила покапризничать, иногда «включала Снежную королеву», но, в общем-то, была сносной и, что немаловажно, щедрой.

Одной из её любимых фишек было накрутить необычную причёску, сделать яркий неузнаваемый макияж и отправиться «в народ».

– Меня все эти гламурмены и их коровы достали уже, – говорила Таня. – Хочется свежего мяса!

Таким мясом и стал Никита. И, поотиравшись возле светской львицы несколько дней, он вдруг понял, что вот эта жизнь, жизнь в блеске и огнях ночных клубов, ему нравится куда больше, чем унылое протиравание штанов во второразрядных кабаках с Сявой и Жиндосом.

Стало быть, необходимо было зацепиться за это своеобразное «колесо Фортуны», или, как говорят коучи на тренингах, «интегрироваться в перспективное сообщество». Никита не был семи пядей во лбу, но прекрасно отдавал себе отчёт, что как любовник и мальчик на побегушках он наскучит Тане довольно быстро. Значит, нужно предложить ей что-то такое, чтобы стать для Снежной королевы незаменимым Каем.

И Никита нашёл это «такое», придумав стрим-канал «В спальне у Спицы». Сам он превратился в Никиту Неона, живую камеру, постоянно шпионящую за светской львицей. Разумеется, весь видеоспионаж был тщательно продуман и отсценарирован, чтобы поклонники, не дай бог, на самом деле не увидели какого-то компромата на своего кумира.

Идея со стрим-каналом Спице понравилась, и она охотно включилась в придуманную Никитой игру, называя его «мой креативный геолог». С точки зрения бизнеса Никита тоже попал в яблочко – стрим-канал Никиты Неона дал прирост аудитории Татьяны Спицы.

– Где ж ты был три года назад? – как-то спросила Таня, рассеянно перебирая его волосы. – Мы бы такой бизнес-проект замутили...

Они лежали в огромном гамаке, натянутом на крыше Таниных апартаментов в Бутиковском переулке. Над Москвой плыли облака, ленивые, словно сытые киты. Где-то играла музыка, старый добрый поп-рок, и Лагутенко своим мяукающим голосом исполнял один из главных хитов 90-х:

Ба-бац! открываешь глаза.
Клац! зубы выдерживают.
Щётки, пасты, духи и бусы
Больше, чем спасают.
Здорово! Великолепно...
Бьёшься за жизнь, за завтра
И даже иногда за меня.

– Три года назад я был в Челябинске, – сказал Никита. – Пил пиво «Арсенальное» из пластикового баллона-полторашки и мечтал стать пушером у Маги.

– Кто такой Мага? – спросила Таня.

– Магомет. Дилер у нас на районе.

– А пушер?

– Тот, кто берёт у дилера дозняки и ныкает по закладкам.

– Ты что, хотел стать наркоторговцем? – Таня настолько заинтересовалась, что даже приподнялась на локте и посмотрела Никите в глаза.

– Я хотел заработать деньги, – со вздохом сказал Никита. – Хоть какие-нибудь.

– Как же тебе повезло,
Моей невесте!
Завтра мы идём тратить все свои,

Все твои деньги вместе... – голосил где-то Лагутенко.

Таня смотрела на Никиту, пытаясь что-то найти в его глазах, а он... он смотрел на морщинки в уголках её глаз. Тане недавно исполнилось сорок, и, хотя она держала себя в форме –

каждый день зарядка, фитнес, три раза в неделю бассейн, турецкие бани и массажист, возраст становился виден, особенно без макияжа.

– О каком бизнес-проекте ты говорила? – спросил Никита.

– Была у меня одна идея, – Таня улыбнулась. – Собрать наш бомонд – ну, кого получится, – вывезти на берега тёплого моря, куда-нибудь подальше, и бросить их в чужой стране без денег, без связи, в отельчике или бунгало. И всё это дать в прямом эфире – чтобы снимал кто-то, кто в курсе. Засланный, крыса такая специальная, понимаешь? Ну, типа это розыгрыш такой. Как они станут истерить, кидаться на двери, на забор, как будут корявыми своими ручонками пытаться сварганить себе яичницу... Потом всё вернуть, конечно, объяснить...

– Ты сумасшедшая, – улыбнулся Никита. – Такой стрим порвёт сети. Но... это же дорого.

– Снять виллу в Таиланде? Нет, как раз очень недорого, – покачала головой Таня.

– Ну, хорошо, – упорствовал Никита. – Но надо же собрать всех, договориться... И потом – где ты найдёшь безумца, который так подставится?

– А я уж нашла, – Таня наклонилась и поцеловала Никиту. – Это ты, мой дорогой.

Летели весело – всю дорогу пили и играли в «зелёного человечка». Смысла этой игры Никита так до конца и не понял, тем более что ему пришлось почти весь девятичасовой полёт бегать от одного кресла к другому, передавая этого пресловутого «зелёного человечка» – плюшевую куколку лягушонка Кермита из «Улицы Сезам». Сами участники будущего проекта «Звёзды в бешенстве» восседали на своих местах в бизнес-классе и, потягивая виски и коктейльчики, в перерывах между взрывами смеха строили планы на отдых – как, кто, с кем и где позажигает. По официальной версии, они летели отмечать день ангела Спицы.

В самолёте собрались сливки бомонда: успешный и популярный у пубертатной части женского населения страны актёр с гомосексуальными наклонностями, которого Никита про себя называл Тюлень; его спутник, тоже актёр, но калибром поменьше, получивший прозвище Подсос; певица песен ртом с тусовочной кличкой Пихта, очень точно отражающей её основное занятие вне сцены; светский лев и по совместительству композитор, за кремовый пиджак поименованный Никитой Бисквитом; старлетка Светочка Горчак, снявшаяся в трёх с половиной сериалах, но умудрившаяся переспать с десятью продюсерами, и, наконец, компания музыкантов из группы «Оба-на!», стареющих кумиров бандитов из девяностых.

При музыкантах имелся выводок молодых особ с одинаково надутыми губами и узкими носиками, жертв пластической хирургии. И если «оба-нистов» Никита ещё как-то различал – их звали Алик, Павлик и Толик, то их подружки-модели для него все казались на одно лицо. А поскольку каждая из них являлась лауреатшей какого-нибудь конкурса типа «Мисс Кубань-желдормаш», он называл их просто – «миски».

В аэропорту Бангкока всю компанию встретил с десяток разномастных лимузинов, и кортеж, больше похожий на цыганскую свадьбу в Румынии, рванул на юг страны – к морю, пальмам, массажу и супчику том-ям.

Пока всё шло по плану Тани, которая прилетела на день раньше. Она встречала дорогих гостей на пороге виллы, наряженная в народное тайское платье пха нунг из золотого шёлка. Кланяясь и улыбаясь, Таня позвякивала золотыми браслетами.

– Спищечка! – заорал Бисквит, первым выбравшийся из своего лимузина. – Если мне сейчас не нальют стакан виски, я кого-нибудь убью. Здравствуй, дорогая!

– Здравствуй, – Таня обнялась со светским львом как с родным отцом. – Проходи на террасу, там всё будет.

Следом за Бисквитом с Таней пообнимались «оба-нисты», Тюлень, Подсос, Пихта и Светочка Горчак. Миски не являлись особами, приближёнными к Снежной королеве, и объятий не удостоились.

Пока гости гомонили на террасе, выходящей на море, а портье и водители таскали багаж, Никите удалось переговорить с Таней. Диалог их был похож на разговор двух заговорщиков или разведчиков:

- Всё в порядке?
- Абсолютно.
- Они не догадываются?
- Даже в мыслях не имеют.
- Летели без проблем?
- Да вроде... «Зелёный человек» спас. Кстати, что это за игра такая?

Таня удивлённо посмотрела на Никиту:

- Прекрати меня разыгрывать! Все знают игру в «зелёного человечка».
- А я вот как раз... – начал Никита, твёрдо решивший докопаться до сути, но его перебил

мощный рык Бисквита с террасы:

- Спица!! Где тут пляж? Мы хотим купаться!
- Купаться! Купаться!! – заголосили «оба-нисты».

Завизжали миски, загоготал Подсос, а набравшаяся Пихта, уже облачившаяся в купальник, забралась на стол и запела свой главный хит:

Моя любовь —
Дельфин весёлый.
Он молодой и
Вечно голый!

Так Никита и не узнал в тот вечер, что такое игра в «зелёного человечка». Впрочем, не узнал он этого и ночью. Вся весёлая компания большую часть вечера гульбанила на пляже, относящемся к вилле, плескалась в тёплом море и под неодобрительными взглядами тайских спасателей запускала в тёмное южное небо фейерверки.

Наорались, натанцевались, напились и наделали разных других вещей до одури. Ближе к часу ночи гости начали вырубаться. Никите пришлось помогать портье затаскивать в номер Бисквита – он был тяжёлым, как рояль. На втором этаже хихикали миски и скрипели кровати. Пихта танцевала на террасе, роняя стулья, под одной ей слышимую музыку – Никита видел, что она не довольствовалась алкоголем и прикладывалась к пакетику с белым порошком.

Одиноко и печально грустил на берегу Тюлень – он поругался с Подсосом. Подсос был чужд рефлексии, он просто напился и уснул в шезлонге, а поскольку весил намного меньше Бисквита, хрупкие портье унесли его в дом прямо вместе с шезлонгом. Пьяненькая Светочка Горчак бродила поодаль, тщетно пытаясь привлечь к себе внимание Тюленя, чтобы изменить его ориентацию.

Никита курил у крыльца, отдыхая от всего. Табачный дым сизыми завитками уносился в темноту.

– Всё, – Таня вынырнула из-за двери. – Я отчаливаю. Сейчас они допьют по своим номерам – и баиньки. Потом портье и обслуга уедут, ворота будут заперты, на заборе колючая проволока – и твой выход.

- Ну, то есть всё по плану, – кивнул Никита.
- Есть одно «но» – наш актёр.
- Что случилось?

– Оказалось, что он зожник, – Таня помрачнела. – Да ещё с этим своим... партнёром по ориентации поспорил. В общем, собирается улетать, – Таня сделал недовольную гримаску. – Устроил истерику, проклял весь Таиланд и нас в придачу. Это капец!

- Ну и что? – Никита пожал плечами. – Хочет – пусть летит.

– Я знаю, что он тебе не нравится, – Таня нахмурилась. – Но он нам нужен, понимаешь? Он тут – главная звезда. Так что... ещё есть время. И надо его быстро напоить. Под любым предлогом. А ты вполне в его вкусе.

– Не-не-не! – Никита отчаянно замотал головой. – Я с ним заигрывать не буду!

– Ты что?! – Таня зашипела, как обваренная змея. – Хочешь нам всю малину обгадить?! А ну давай, пошёл! И чтобы всё было тип-топ! Вперёд.

И Никита пошёл. А что ему оставалось делать? Без Спицы он был тем, кем, собственно, и являлся до неё, – никому не нужным студентом с подержанной бээмвухой.

Тюлень стоял, есенинским жестом обнимая ствол пальмы, и его чеканный профиль красиво озарял прожектор со спасательного катера, пришвартованного у пирса. Катер тоже должен был покинуть виллу около пяти утра вместе со спасателями.

– Привет! – сказал Никита. – Хороший вечер.

– Ночь уже... – меланхолично поправил его Тюлень. – Такси приехало?

– Какое такси?

– Что значит – какое такси? – меланхолические интонации в голосе Тюленя исчезли, теперь там явственно слышался лязг железа. – Я Спицу попросил заказать мне... Что, до сих пор нет? Ты... как тебя, Неон, да? Иди, позвони, или как тут у вас это делается? Прислугу попроси...

Никита глубоко вдохнул, сжал кулаки и выпалил:

– Увы, никак! Тут ночью нельзя вызвать за городом такси.

– Вообще? – Тюлень повернулся и выпучил от недоумения и негодования глаза. – Почему?

– Ну, тут этот... комендантский час, – соврал первое, что пришло на ум, Никита. – Камбоджийская граница же рядом. А знаешь, как раньше Камбоджа называлась?

– Как?

– Кампучия. Там людям головы мотыгами рубили.

Тюлень стиснул ствол пальмы так, что он захрустел, и простонал:

– Я хочу домой!

– Тебе надо расслабиться, – твёрдо сказал Никита и вытащил из-за пазухи приготовленную бутылку «Glenmorangie». – Всё будет хорошо.

– Не будет! – истерично выкрикнул Тюлень. – И я не пью!

– Пил же, я видел, – не согласился Никита.

– Это было до того, как он... – Тюлень бросил взгляд на освещённые окна виллы. – Как он... неважно!

– Конечно, неважно, – солидно подтвердил Никита, открутил крышечку и протянул бутылку. – Давай. Во все времена это – универсальный успокоитель. Выпьешь – и баиньки. А завтра будет новый день.

Он повторил слово «баиньки», сказанное до этого Спицей, машинально, но именно оно, произнесённое с успокаивающей, домашней интонацией, сыграло свою роль – Тюлень взял виски, вздохнул, как на съёмках – грустно и одухотворённо, – и профессионально присосался к горлышку.

Никита стоял и слушал бульканье виски. Судя по количеству булек, своё дело он сделал – после того как в Тюленя перелилась практически половина литровой бутылки, он просто обязан был вырубиться.

Но случилось непредвиденное. Оторвавшись от «Glenmorangie», Тюлень не глядя сунул бутылку Никите и размашистым шагом двинулся к дому со словами:

– А где там эти сладкие мальчики-тайчики?

Никита несколько секунд ошалело смотрел вслед Тюленю, потом сорвался с места и устремился за главной звездой, размахивая бутылкой.

– Стой! Ты куда!

– Отвали! – прорычал Тюлень и оттолкнул догнавшего его Никиту. – Я должен отомстить!

Он схватился за ручку двери, ведущей в холл со стороны моря, и тут Никита, отчаявшийся как-то остановить эту одержимую сексуальной манией тушу, ударил Тюленя «Glenmorangie» по затылку.

Бутылка, вопреки его ожиданиям, не разбилась, но Тюлень обмяк, кулём осел на плитку пола и распластался на ней, гулко стукнувшись лбом о кафель.

– Что ты наделал?! – заорал вдруг у него над ухом Подсос.

Никита не успел повернуться – твёрдый, как лошадиное копыто, кулак врезался ему в челюсть и отправил в длительный полёт через всю террасу. Оказалось, что Подсос давно проснулся и всё это время мучился из-за размолвки со своим «мужем». Он прятался в тени, наблюдая за Тюленем и присоединившимся к нему Никитой. И когда страдающая звезда устремилась в дом, решил перехватить любовника, но тут появился Никита с бутылкой – и накачанный Подсос вступился за Тюленя, нанеся роковой удар.

Пролетев через веранду, Никита под вопли Подсоса, пытающегося поднять любовника, врезался в танцующую Пихту и сбил её с ног. Пихта завопила так, словно её насилуют сразу десять тайцев, причём со слоном в придачу. На шум и крики из виллы выскочили проснувшиеся «оба-найцы» и не успевшая уехать тайская прислуга. В темноте все решили, что в дом пробрался вор.

– Это он! Держите его!! – вопила Пихта, после волшебного порошка сверкая в полумраке красными, как у вампирши, глазами.

– Убью!! – ревел очнувшийся Тюлень.

– Дайте мне! – вторил ему Подсос.

– Гаси баклана! – орал кто-то из «оба-найцев».

И что-то пронзительно верещали на своём птичьем языке тайцы, внезапно оказавшиеся со всех сторон и вцепившиеся в Никиту как минимум десятком рук.

– Таня!! – в отчаянии закричал Никита, понимая, что сейчас он никому ничего не докажет и случится непоправимое, но Таня уже уехала, и спасти его могло только чудо, которого не случилось.

Тайцы, надо отдать им должное, всё же не дали Никиту на растерзание звёздам отечественной эстрады и кино. Они как-то очень споро и сноровисто упаковали Никиту, попутно дав пару раз по шее, так, что он даже слегка поплыл, и утащили на катер. Катер зарокотал и отвалил от пирса.

Никита был уверен, что его везут в полицию, где всё и разъяснится, и даже несколько успокоился, тем более что похожие друг на друга, словно братья-близнецы, тайцы не предпринимали никаких попыток вступить с ним в разговор.

Обнаружив, что до сих пор сжимает в руке бутылку «Glenmorangie», в которой осталось как минимум пол-литра виски, Никита сделал приличный глоток, а следом за ним – второй и третий. Виски ударил в голову не хуже, чем кулак Подсоса, и вскоре Никита задремал, убаюкиваемый мерным покачиванием катера, бурчанием мотора и приятным теплом, разлившимся по всему телу.

Глава четвёртая

Пробуждение обрушилось с беспощадностью ядерной бомбы. Голова раскалывалась, тело ныло, саднила обгоревшая спина. Было душно, солнце жарило немилосердно. На мгновение промелькнула нелепая мысль, что он, должно быть, умер и попал в ад. И Никита открыл глаза.

Разумеется, никаких чертей и котлов с кипящим маслом вокруг не обнаружилось. Просто шаршило злое утреннее солнце, а на него накладывалось не менее лютое похмелье.

Никита чуть пошевелился, осмысливая себя в пространстве. Он лежал на животе на обочине грунтовой дороги, а вокруг бодро шуршали джунгли. В голове некстати всплыл Сява, любивший по пьяни перевернуть вверх ногами гитару и, постукивая пальцами по деке, как по барабану, – на большее его музыкальности не хватало, – орать дурным голосом похабные частушки:

А муж её Степан валялся у дороги,
И из грязи торчали его кривые ноги,
И кое-что ещё, чему торчать не надо,
И кое-что ещё, о чём спросить нельзя...

Додумав до этого места, Никита опасливо поглядел на «кое-что ещё, чему торчать не надо» и почувствовал, что, видимо, до этого момента всё ещё был пьян, потому что вот теперь начал трезветь. Нет, его «кое-что ещё» не торчало, оно было целомудренно прикрыто плавками. Вот только кроме плавков на Никите не было ничего. Разве только ещё один носок на левой ноге. Причём чужой – красного цвета и не его размера.

Борясь с приступами тошноты, Никита перевернулся и принялся медленно в несколько этапов приводить тело в вертикальное положение. Сначала встал на карачки, потом на колени, наконец воздел себя на ноги и застыл, упершись в колени ладонями и едва сдерживаясь, чтобы не завалиться обратно.

Никита сотни раз просыпался с похмелья и знал все его оттенки, но такое с ним случилось впервые. Какое-то время он так и стоял на пустой грунтовой дороге. Вокруг со всех сторон буйствовали джунгли: что-то первозданно стрекотало, шуршало, чирикало, трещало и щёлкало, – и эта какофония только усиливала головную боль.

«Надо двигаться», – пробилась через пульсирующую боль новая мысль. И Никита, шатаясь, будто это были первые шаги в его жизни, двинулся вдоль дороги, не очень ещё соображая, куда и зачем.

Он сосредоточенно переставлял ноги, а дорога всё не кончалась и джунгли всё не редели. Более того, все эти «райские кущи» не очень походили на территорию виллы. И лес был диковат, и дорога заметно отличалась от аккуратных, выложенных плиткой садовых дорожек. Никита остановился и огляделся уже по-новому.

Где он? И как сюда попал? И что вообще происходит? Сквозь похмельную муть вдруг проступило кристальное понимание, что вокруг дикие джунгли, что он сейчас не дойдёт до виллы, чтобы попить водички, намазать спину кремом от солнца, а потом залечь в прохладном бассейне и тянуть коктейли, пока не отпустит абстинентный синдром. От этого понимания по обгоревшей спине пробежал нервный холодок.

– Ау?! – с надеждой позвал он.

Ответом была тишина, лишь привычно стрекотали джунгли. Позабыв о похмелье, Никита зашагал быстрее. Он шёл, а пейзаж не менялся.

– Ау!!! – проорал уже во весь голос. – Это не смешно!

Смешного и в самом деле было мало. Он один неизвестно где. Без знания местной географии и обычаев, без знания языка, без телефона, без денег, без документов, без одежды. Как вообще так получилось?

Никита напрягся, но, как ни старался, выудить что-то внятное из глубин памяти не получилось. То есть вспомнил-то он многое: перелёт, игру в «зелёного человечка», пьянку, рефлексирующего Тюленя, неудачную попытку его подпоить, драку, тайцев, виски, мерное покачивание катера на волнах – только все эти воспоминания никак не отвечали на насущные вопросы и ничего не объясняли. Что самое паршивое – на виски и катере они заканчивались, уступая место мягкой непроглядной темноте. Впрочем, всплыло ещё кое-что – лукавая улыбка Таньки: «Была у меня одна идея. Собрать наш бомонд, вывезти на берега тёплого моря и бросить в чужой стране без денег, без связи... И всё это дать в прямом эфире».

Никита снова остановился, затравленно обернулся и против воли завертелся в поисках скрытой камеры.

Камеры не было. Никого не было.

– Ау! – в третий раз уже с отчаянием заорал Никита и добавил непечатное словцо. Джунгли молчали.

Никита прибавил ходу, но вокруг по-прежнему никого не было, а дорога всё так же убежала вперёд и терялась где-то там, в густой зелени. Сколько он так шёл, Никита не смог бы сказать даже под пыткой. Время будто застыло, проклятое солнце висело, кажется, в одной точке, а часы его, вероятно, были теперь там же, где и одежда с бумажником и телефоном. Пару раз возникало желание развернуться и пойти в обратную сторону; может быть, там будет что-то другое, кроме чертовых лиан? Но всякий раз Никита усилием воли пресекал метания: если есть дорога, значит, она должна куда-то привести, так что остаётся только топтать в заданном направлении.

Через какое-то время впереди, за деревьями, показался дорожный знак. Выбранная стратегия оказалась верной. Никита радостно бросился к знаку. Впрочем, толку от него оказалось немного: тайскую надпись прочитать Никита не сумел, стрелка рядом указывала единственное возможное направление, а число, означавшее, вероятно, расстояние до отмеченной цели, было таким, что не отмахать и за три дня. Тем более босиком.

Никита опустил на землю возле знака и, уже не сдерживаясь, принялся упражняться в знании русской обценной лексики. Если бы лианы знали язык Пушкина и Достоевского, покраснели бы и они, но русского в этой глуши, кроме Никиты, не знал никто. Пока он самозабвенно матерился, в стороне, шагах в двадцати, зашевелились кусты, и из джунглей не очень уверенно выдвинулся молодой таец. Никита мгновенно оборвал поток брани и вскочил на ноги. Таец замер, быть может, от такой резкой перемены в поведении незнакомца, а может быть, и от внешнего его вида – в плавках и одном красном носке не по размеру Никита выглядел весьма импозантно.

– Помоги! – импульсивно выдохнул Никита, устремляясь навстречу аборигену. – Хелп ми!

Вероятно, со стороны порыв его выглядел не очень адекватно, потому как таец попятился. Боясь напугать аборигена, Никита поспешно остановился и выставил перед собой руки в успокаивающем жесте.

Таец смотрел с опаской, а когда заговорил, голос его звучал тоже настороженно. Никита честно выслушал птичье бормотание, кивая и старательно улыбаясь, затем попытался создать образ дружелюбного иностранца.

– Ни хрена не понял, – сообщил он тайцу с той же вымученной улыбкой. – Ты по-русски понимаешь?

Судя по взгляду, абориген не понимал.

– Инглиш? – опять попробовал Никита.

Взгляд тайца оставался непонимающим.

– Парле ву франсе? – зачем-то припомнил Никита, хотя из французского знал только тот десяток слов, что пел Боярский в фильме про трёх мушкетёров. Впрочем, таец, судя по его красноречивой физиономии, не знал и этого.

Никита трёхэтажно выругался. Смысл тирады абориген понял вряд ли, но от неистовой интонации явно напрягся.

– Не-не, – поспешил исправиться Никита, стараясь говорить как можно мягче. – Погоди, не уходи только. Мне нужно...

Он осёкся. А куда ему нужно? Адреса виллы Никита вспомнить не мог.

– Консульство. Понимаешь? Российское консульство. Рашен! Консул!

Понимания в глазах юного тайца не прибавилось. Никита почувствовал, что сейчас взорвётся от отчаяния, и поспешил взять себя в руки.

– Ладно, – зашёл он с другой стороны. – Мне надо в город. Или в деревню. Что тут у вас есть? Мне надо, где дома и люди.

Стараясь донести мысль, Никита сам не заметил, как перешёл на пантомиму, дублируя слова многозначительными жестами.

– Мне нужно помыться. Попить. Позвонить. У тебя есть телефон? Позвонить? Я заплачу.

Рука Никиты рефлексивно дёрнулась к карману за бумажником, но ни кармана, ни бумажника, ни брюк не было. Никита бессильно чертыхнулся. На тайца же его спектакль одного актёра произвёл неожиданное впечатление. Абориген вдруг расхохотался и достал смартфон.

У Никиты чуть слёзы на глазах не навернулись. Он выставил руку в просящем жесте.

– Я потом заплачу. Честно. Мне только один звонок.

Но у юного тайца были другие планы. Он тыкнул пальцем в экран, видимо, включая камеру, и выставил перед собой телефон на вытянутой руке, чтобы запечатлеть смешного иностранца.

«Бросить в чужой стране без денег, без связи... И всё это дать в прямом эфире – чтобы снимал кто-то, кто в курсе. Типа это розыгрыш такой. Как они станут истерить, кидаться на двери, на забор, как будут корявыми своими ручонками пытаться сварганить себе яичницу...» – удивительно отчётливо прозвучал вдруг из недр памяти голос Тани.

В этот момент в голове у Никиты будто что-то щёлкнуло. «Кто-то, кто в курсе» стоит перед ним и, веселясь, снимает, как он истерит. Прямо сейчас.

Логики в этом неожиданном прозрении особо не было, но он находился не в том состоянии, чтобы заботиться о стройности причинно-следственных связей и чёткости выводов.

– Ах, ты ж сука! – заорал Никита и кинулся на тайца.

Тот ловко отскочил в сторону и забегал кругами, продолжая снимать и не позволяя себя схватить. Уворачиваться от иностранца в одном носке ему было несложно, особенно с поправкой на похмельное состояние последнего.

Поначалу Никита гневно орал, материл Татьяну, аборигена с камерой и всю эту скотскую, ни разу не смешную затею, потом, начав выдыхаться, прикусил язык и ещё какое-то время нервными рывками бросался на тайца, стараясь ухватить его за руку. В конце концов он окончательно выдохся и встал, тяжело дыша и держась за грудь.

Таец тоже остановился, постоял секунд пятнадцать, продолжая снимать утомлённого противника, затем перевёл камеру на себя, что-то бодро проговорил в объектив и убрал телефон, видимо, решив, что аттракцион окончен.

– Свести у тебя нет, – просипел Никита, которому после пробежки стало совсем нехорошо.

Прозвучало это так жалостливо и отчаянно, что взгляд смешливого аборигена сделался серьёзным. Он снова залопотал что-то на своём птичьем языке. Понять его Никита не пытался,

он устал и чувствовал себя преотвратно. Таец замолчал на время, так и не дождавшись ответа, снова заговорил, но махнул рукой, бросил что-то короткое и пошёл прочь. Сделав с десяток шагов, обернулся и повторил последнюю реплику ещё раз, с нажимом, продублировав приглашающим жестом руки. Вероятно, он хотел, чтобы Никита пошёл за ним.

И Никита пошёл. Другой альтернативы всё равно не было. Шли они километра три, может, четыре. Вскоре после знака появился перекрёсток – к дороге примыкала совсем уж непримечательная тропинка, на которую они и свернули. Таец больше не смеялся, более того, проявил человечность: шёл не быстро, по временам оглядывался и даже останавливался, давая Никите передохнуть.

Наконец деревья расступились и впереди показались скромные домишки тайской деревни. Тут только Никита в полной мере осознал, как он выглядит. Встречные тайцы останавливали его проводника, перекидывались с ним несколькими репликами, безо всякой скромности косясь на Никиту и весело улыбаясь. При этом периодически повторялось слово «фаранг».

К счастью, позор длился недолго. Они прошли краем деревни и остановились у стоящего на отшибе дома, если, конечно, это строение можно было так назвать. Косую крышу удерживали три стены, на одной из которых висела здоровенная плазменная панель. Внутри стояло несколько столиков, с десяток замызганных пластиковых стульев и весьма условное подобие барной стойки. У стены напротив плазмы устроился выдавший виды обитый дерматином диванчик, между диваном и стойкой торчал холодильник с прозрачной дверцей.

На диване сидел таец в драных джинсах и майке и с увлечением смотрел какое-то странное мочилово местного разлива: на ринге сошлись здоровенные громилы совсем не азиатской комплекции и лупили друг друга, подчиняясь совершенно неочевидным правилам, а скорее, не подчиняясь никаким правилам вовсе. Звук у телевизора при этом был выключен.

Проводник Никиты нырнул под навес и принялся что-то втирать любителю немых боев без правил. Время от времени звучало знакомое уже слово «фа-ранг», которое как минимум через раз сопровождалось кивком или взглядом в сторону Никиты. Из чего тот сделал вывод, что «фаранг» – это всё же он.

Хозяин навеса между тем поднялся с дивана, посмотрел на Никиту и что-то спросил по-тайски, явно обращаясь к нему.

– Я не понимаю, – выдавил из себя Никита по-русски и добавил почему-то: – Ду ю спик рашен?

Таец в драных джинсах повернулся к Никитиному проводнику и снова что-то непонятно залопотал на своём языке. Потом засмеялся и поглядел на Никиту:

– Русский не знаю. Только английский, – сказал он на языке Шекспира с лёгким мяукающим акцентом.

Никита почувствовал, как с души падает даже не камень, а каменная глыба. В этот момент ему захотелось обнять и расцеловать англоговорящего аборигена, но он сдержался.

– Я потерялся. Можно мне попить? – спросил Никита неожиданно осипшим голосом.

Новый знакомец в драных джинсах кивнул, прошёл к холодильнику, выудил оттуда пластиковую бутылку с питьевой водой и кинул Никите. Тот поймал на лету, крутанул пробку и жадно припал к горлышку. Тайцы заговорили о чём-то между собой со смехом. Никита понял, что посмеиваются над ним, но в этот момент насмешки беспокоили его в последнюю очередь.

Вода закончилась. Никита отнял ото рта сжавшуюся бутылку, внутрь её рванул воздух, и пластик распрямился с неприятным всхрюком. Никита виновато глянул на тайцев. Те следили за ним, продолжая забавляться.

– Идём, – пригласил англоговорящий с улыбкой. – Тебе надо в душ.

Душ оказался не менее колоритным. По сути это была открытая кабина с задёргивающимися полиэтиленовыми шторками, на крыше которой стояла бочка с водой. Есть ли к бочке

какие-то подводки, Никита разглядеть не успел, но не удивился бы, если бы оказалось, что она наполняется обычной дождевой водой. Да и неважно!

Он стоял под душем, с наслаждением подставляя лицо под тёплые струи, и думал. Мысли, наконец, начали приходить в порядок. На шутку всё происходящее не походило. Во-первых, Таня не стала бы шутить с тем, кого посвятила в суть шутки, во-вторых, камер нигде не было, как ни приглядывался, а без съёмки прикол теряет всю соль. В-третьих, и в-главных, на его пути к текущему положению было слишком много случайностей, которые просто невозможно так складно разыграть. Но даже если всё это не дурацкий прикол, основные вопросы никуда не девались.

Как он здесь оказался? И где это – «здесь»? И что теперь делать?

Никита попробовал ещё раз поковыряться в памяти, но та спала мёртвым сном и не подкинула ни единой новой картинки. Последним воспоминанием по-прежнему оставался ударивший в голову «Glenmorangie» и убаюкивающе покачивающийся на волнах катер.

На выходе из душевой кабины его поджидал хозяин в драных джинсах. В руках он держал потёртый флакон крема для загара, какую-то одежду и стоптанные вьетнамки.

– У тебя спина красная, – заметил он, протягивая флакон. – Намажь. Потом оденься и приходи.

И таец удалился.

Никита кое-как намазал спину и принялся одеваться. Футболка и штаны были старыми, застиранными, но при этом аккуратно поглаженными. Никите они оказались маловаты, сели в обтяг, но дарёному коню, как говорят, в зубы не смотрят. В любом случае лучше вот так – в облипочку, чем в одних трусах и носке.

Нечаянный проводник уже ушёл. Англоговорящий хозяин снова остался наедине с телевизором. В руке он держал стакан с пивом. При появлении Никиты бодро подскочил с дивана и вдруг замер, по-новому глядя на своего гостя.

– Что? – не понял Никита.

Таец смотрел так, будто узнал в нём кого-то.

– Как тебя зовут?

– Никита.

На лице хозяина мелькнуло разочарование.

– А тебя? – поспешил замять непонятную неловкость Никита.

– Вирийа.

– Спасибо за одежду, Вир, – поблагодарил Никита, не пытаясь даже выговорить незнакомое имя полностью, а попросту сократив, как было удобно. – Я в долгу. Но я заплачу сколько нужно, мне только надо добраться до своих.

– А ты откуда здесь взялся?

– У нас была вечеринка. Я, кажется, перебрал и... Я мало что помню. А проснулся в лесу на дороге.

– Наронг показал, как ты за ним бегал, – улыбнулся Вир.

– Зачем он снимал?

– Стрим, – пожал плечами Вир. – Дикий белый человек в трусах в джунглях – это смешно. У вас разве не снимают стрим?

– Снимают, но...

Никита запнулся. Таец всё ещё странно приглядывался, будто пытался разглядеть в нём что-то или кого-то. Конечно, в старых тайских шмотках Никита, должно быть, выглядел чудно, но, в конце концов, это не повод так тарашиться.

Вир вдруг протянул ему свой стакан:

– Возьми!

Голос тайца прозвучал настойчиво, и Никита принял ёмкость, решив, что лучше не спорить. Вир посмотрел на него критически.

– Теперь подними, – он сделал жест, словно изящно, тремя пальцами держал перед собой бокал, – как шампанское. Чин-чин.

Никита поднял стакан с пивом, не совсем понимая, что от него требуется. Таец ловко выудил из кармана джинсов смартфон, растянул губы в улыбке, вскинул смартфон и сделал снимок. Никита рефлекторно улыбнулся в ответ. Лицо аборигена сделалось хитрым и довольным, как у Остапа Бендера, добравшегося до денег товарища Корейко.

Вир выхватил у Никиты стакан с пивом и сделал глоток, удовлетворённо причмокнув.

– Можно позвонить? – спросил Никита.

– Конечно, кхон фаранг, – Вир легко протянул гостю смартфон.

– А «фаранг» – это что, такое ругательство? – осторожно поинтересовался Никита, принимая гаджет.

– Почему ругательство? «Фаранг» – человек из Европы. Индейцы говорили «белый человек», так? А в Таиланде говорят: «фаранг». Ты звонить хотел.

Никита, спохватившись, ткнул пальцем в экран смартфона и... завис над гаджетом, осознавая всю нелепость своего положения. Он не помнил номера Татьяны. Никита судорожно принялся перебирать в голове знакомых и неожиданно понял, что не в состоянии вспомнить ни одного телефона. Да и зачем в современном мире помнить какие-то номера, если все они есть в записной книжке смартфона?

Прогресс сыграл с Никитой злую шутку. Единственный телефонный номер, который он знал наизусть, был домашний, в Челябинске, но позвонить матери, рассказать, что он не готовится сейчас к экзаменам в Москве, а потерялся где-то в Азии в джунглях Таиланда без денег и документов... Нет, это было невозможно.

– Почему не звонишь? – поинтересовался Вир.

– Я номер забыл, – мрачно признался Никита. – А где у вас здесь российское консульство?

Вир поглядел на Никиту так, будто сомневался в его умственных способностях:

– Здесь?

Таец перевёл взгляд на громоздящиеся неподалёку деревенские домики и снова посмотрел на Никиту:

– Здесь – нигде. В Бангкок надо ехать.

Глава пятая

Казалось бы, ну чего сложного в двадцать первом веке в не самой отсталой, а если откровенно, то и весьма развитой стране добраться до столицы? Сел на автобус, попутную машину, поезд, мотоцикл, велосипед, в конце концов, и поехал, благо климат стабильный – и день, и ночь как в сауне – асфальт не разрушается от сезонных температурных колебаний, и дороги в Таиланде хорошие.

Но едва Никита завёл с Виром разговор о поездке, суля золотые горы по её окончании, когда ему удастся восстановить паспорт, банковские карточки и вообще всю свою прежнюю жизнь, Вир только цокнул языком и развёл руками – извини, мол, брат, никак невозможно.

– Почему? – не понял Никита. – У вас в деревне машин нет?

– Машины есть! – обиделся Вир. – Много машин. Одиннадцать! – и он принялся перечислять, загибая смуглые пальцы: – Шесть «тойот», три «исузу», один «форд» и ещё у старого Сомбуна есть такой же старый, как он сам, «шевроле».

– А почему столько «тойот»? – удивился Никита.

– Японцы у нас завод построили. Теперь машину можно брать без денег, – простодушно объяснил Вир.

– То есть как это – «без денег»? – не понял Никита.

– А это хитрый иностранный способ, – Вир захихикал. – Берёшь машину без денег, а деньги отдаёшь потом. Маленькими порциями. У нас раньше так не было. А потом пришли фаранги и придумали такую красоту.

– Это называется «кредит», – пояснил Никита. – И ничего в нём красивого нет. Ты платишь больше, потому что с процентами...

– Какая разница? – беспечно отмахнулся Вир. – Машина же есть. А деньги... Знаешь, как говорят: «Будда даст день – даст и еду»! Древняя тайская поговорка!

Никита кивнул. Не менее древнюю русскую поговорку «Господь даст день, даст и пищу» он помнил с детства.

– Хорошо, – сказал он и кивнул на деревья за баром. – Если столько машин, почему мы не можем поехать в Бангкок?

– Перевал закрыт, – охотно и со свойственной ему беспечностью объяснил Вир.

– Какой перевал? – Никита начал озираться, словно над верхушками деревьев вдруг ниоткуда появились горы. – Что ещё за перевал? Мы вообще... где?

Вир засмеялся, открыл ящик стола и вытащил яркую, как крыло бабочки, туристическую карту Таиланда. Расстелив её прямо на полу, он сел на корточки и некоторое время изучал местность к северо-востоку от Чианграя. Наконец, торжествующе вскрикнув, Вир ткнул мизинцем куда-то в точку, где сходились границы Таиланда, Лаоса и страны со смешным названием Мьянма.

– Вот тут! Мы живём в этом месте, да!

Никита посмотрел в указанную точку и тихо безнадежно выматерился.

День катился к вечеру. Было, как всегда в Таиланде, тепло, влажно и душно. Вир, утомившись от разговора с Никитой, сообщил, что у него много важных дел, и ушёл за занавеску в дом спать. Из-за тонкой деревянной стены то и дело доносились его похрапывания. Никита сидел на диване, смотрел немое телевидение – там теперь шёл волейбольный матч между двумя тайскими командами – и размышлял. Мысли в его голову приходили в массе своей невесёлые. Главными были, естественно, две: «Кто виноват?» и «Что делать?» Впрочем, именно на эти два вечных вопроса Никита, как водится, ответить не мог, и от этого ему становилось ещё тоскливее.

Похмелье потихоньку отпускало, и организм начал требовать простого: еды, воды, отдыха.

«Этот Вир сказал, что перевал откроется через неделю или даже десять дней, не раньше, – думал Никита. – Всё это время мне нужно будет что-то есть, где-то спать... Денег нет. Значит, их придётся заработать».

– Слышишь, Вир, – чуть повысив голос, сказал Никита и постучал в стенку костяшками пальцев. – У меня деловое предложение!

– Слушаю тебя внимательно, мой белокожий друг, – немедленно отозвался таец с такой интонацией, словно он вообще не спал, а всё это время сидел и ждал, когда Никита соблаговолит к нему обратиться.

– Тебе работник не нужен? – издалека начал Никита.

– Нет, – отрезал Вир. – Тут нечего работничать. Сиди себе и собирай деньги за пиво и ром. Я сам справляюсь.

– Тогда, – Никита принялся развивать свою мысль, – может быть, кому-то в деревне нужен помощник?

– А что ты умеешь делать?

– Могу... – Никита задумался. – Копать. Носить что-то. Что-то тяжёлое... О, могу кран починить или там выключатель. Муж на час, короче.

Вир замолчал. Никита сообразил, что фраза «муж на час», да ещё в английском варианте, произвела на тайца сильное впечатление.

– Наши мужчины сами справляются с супружескими обязанностями, – наконец произнёс Вир несколько напряжённым голосом. – Но за предложение спасибо. На том конце деревни живёт госпожа Буппа. У неё пять лет назад погиб муж. Может быть, она захочет, чтобы ты починил выключатель в её доме?

Никита вздохнул.

– Вир, дружище, ты меня не так понял. Я могу починить выключатель как электрик, а не как...

– Я всё правильно понял, – возразил Вир, и Никита услышал, как заскрипела кровать. Мгновение спустя таец вышел из дома и встал напротив. – Электрик – это очень уважаемая профессия. Электрика не выбрасывают на дороге в одном носке, даже если он фаранг. Иди по улице, дойдёшь до дома моей матери и увидишь дальше дом госпожи Буппы – у него красная крыша и антенна.

– И что я ей скажу? – Никита уже понял, что его инициатива с поиском работы принесла совсем не те плоды, на которые он рассчитывал. – Она вообще говорит по-английски?

– Нет, – покачал головой Вир. – Но ты же не болтать с ней будешь, правда? Иди-иди, у меня тут появились кое-какие дела...

Никита в ответ только вздохнул.

Вообще назвать улицей поросшую травой тропинку между хижинами было очень смело. Никита, шаркая вьетнамками, брёл по тропинке, вертел головой и удивлялся.

Тайская деревня совсем не походила на русскую. Никита, особенно в детстве, постоянно ездил к бабушке с дедушкой в село Рогожино под Стерлитамаком и хорошо помнил здоровые дома под шиферными крышами, высоченные заборы разных видов – от сетчатых, из рабицы, до глухих, больше похожих на средневековые частоколы; лай мохнатых псов за мощными воротами и ржавый трактор «К-700» на окраине села, превращённый в лазательный аттракцион для местной детворы.

Ничего подобного здесь, в Таиланде, Никита не увидел. Заборов не было вообще. Никаких. Ни низеньких, ни сетчатых, ни решетчатых. Тайцы, видимо, плевать хотели на то, где проходят границы их участков.

Хижины, больше похожие на сараи, торчали из травы, возвышаясь на столбиках, словно избушки на курьих ножках. Сходство с избушками на этом заканчивалось – большинство стен в тайских домах было из реечек, циновок и листов оцинкованного железа. Примерно так же дело обстояло и с крышами – они были либо из какой-то пожухлой местной соломы, либо из вполне современной металлочерепицы. Окон в домах практически не существовало – видимо, за ненадобностью. Зачем вам окна, если в любой момент можно снять и отложить в сторону весь простенок?

Пока Никита шёл, он не встретил ни одного человека – вероятно, взрослые работали на каких-нибудь плантациях, а дети пребывали в школе, либо в деревне шла вечная сиеста. Так или иначе, но единственными живыми существами, попавшимися ему по дороге, оказались собаки. Пегие, пятнистые, рыжие или песчаной масти псы валялись в тени под хижинами, и когда Никита проходил мимо, лениво поднимали головы, следя за ним печальными глазами. Никакого интереса Никита у собак не вызывал, и, проведив незнакомца взглядом, собаки снова засыпали.

Всего в деревне оказалось около трёх десятков домов, и примерно половина из них была с красными железными крышами, на которых торчали решётки и тарелки телевизионных антенн. Очень скоро Никита понял, что дом вдовы он не найдёт, и просто шёл, решив, что совершит променад и вернётся в бар к Виру.

С каждым пройденным шагом он всё отчётливее понимал, насколько тут всё иначе. Всё, буквально всё вокруг было непривычным, чужим, странным и даже страшноватым. Зелень, кусты, трава и деревья заполняли собой всё свободное пространство. Листья, цветы, плоды всевозможных размеров висели над головой Никиты, но если он даже ради любопытства протягивал руку, чтобы коснуться какого-нибудь понравившегося цветочка, тут же приходилось эту самую руку отдёргивать, потому что на ветке рядом с цветком немедленно обнаруживалась изумрудно-зелёная ящерица, жук или паук размером с пятерню взрослого мужчины. А змея, обвившая собой ствол усыпанного жёлтыми, похожими на груши плодами дерева, напугала Никиту так, что он перешёл на мелкую рысь, едва не потеряв тапочки.

Отдышавшись после встречи со змеёй, он уже было решил закругляться с прогулкой, но тут раздался пронзительный визг, и из зарослей возле соседней хижины прямо под ноги Никите вылетело нечто.

Нечто было волосатым, стремительным и дико громким. Больше всего оно напоминало небольшую живую торпеду, для чего-то оснащённую ещё и генератором звуковых импульсов. «Наверное, такой штукой хорошо разгонять несанкционированные митинги и демонстрации», – подумал Никита, едва увернувшись от волосатой торпеды.

А вот от пожилой тайки, выскочившей из хижины, увернуться не получилось. Маленькая подвижная старуха налетела на Никитку, словно боец муайтай, и сбила его с ног, при этом ухитрившись не упасть.

– Твою мать! – с чувством выругался Никита, глядя на старуху снизу вверх.

– Куантяй! – прочирикала старушка, сложила перед собой руки и поклонилась. – Сават дии... Сабаай дии май?

«Чёрт, – подумал Никита. – Она решила, что меня зовут Твою мать».

Он поднялся на ноги, поклонился в ответ и, тыча пальцем в грудь, по слогам произнёс:

– Ни-ки-та.

Но старуха не слушала его и смотрела куда-то за спину Никите. Обернувшись, он увидел в паре шагов от себя небольшого поросёнка, покрытого густой чёрной шерстью. Перестав быть живой торпедой, он выглядел вполне симпатично, и было странно, как такое небольшое существо могло так быстро передвигаться и издавать такие громкие звуки.

Мелкими аккуратными шажками обойдя Никиту, словно он был столбом или деревом, старушка двинулась к поросёнку, тоненько подманивая его странными словами:

– Ми-ми-ми...

Поросёнок покосился на старуху лиловым глазом и медленно попятился. Никита с интересом наблюдал за этой своеобразной поросычьей корридой.

– Ми-ми-ми... – напевала старуха.

– У-и-и-и! – взвизгнул поросёнок и обежал Никиту по кругу, спрятавшись за ним, опять же словно Никита был не живым существом, а столбом или деревом.

Старуха остановилась, выпрямилась, насколько смогла, и с ледяным презрением произнесла тоненьким голосом длинную и, видимо, ругательную тираду, закончив её фразой:

– Твою мать!

Никита едва не подпрыгнул от возмущения, но старуха уже шла к своей хижине, напоследок плюнув в сторону поросёнка.

Наступила тишина. Поросёнок сидел в траве и смотрел на Никитку влюблёнными глазами. Солнце зашло за верхушки деревьев. Сразу стало сумрачно и неудобно.

– Иди домой! – сказал Никита поросёнку, повернулся и пошёл в бар к Виру.

Через некоторое время он услышал за спиной какие-то звуки, обернулся и обнаружил, что поросёнок следует за ним.

– Иди! Домой! – закричал он на живую торпеду и для убедительности замахал руками.

Поросёнок немедленно уселся и устался на Никиту. Определённо этот большой и громкий фаранг ему нравился. Почему-то Никите вспомнилась история про преданность. У одного мужика была змея, он с ней играл, кормил, а потом она укусила его за палец, очень легонько, практически царапину оставила. Мужик, тем не менее, на змею обиделся, потом смотрит: а она так на него преданно и грустно смотрит, ползает за ним по всему дому, даже в ванную заползает и в глаза заглядывает: «Прости, мол, хозяин». С утра мужик просыпается, а змея рядом с ним сидит, смотрит грустно. Он аж расчувствовался – какая тонко чувствующая зверюга! А говорят, что только собаки на преданность хозяину способны... Но укушенная рука при этом у него слегка опухла. Тогда он сгрёб змею в охапку – и к доктору. Там и выяснилось, что этот вид змей ядовит, только яд у них очень слабенький, поэтому они кусают, а потом тупо две недели таскаются за жертвой, ждут, пока она подохнет.

Вот и во взгляде поросёнка читалось что-то такое... змеиное.

– Дурень ты. Дурень, – сказал Никита и махнул рукой. В конце концов, поросёнок – это лучше, чем змея. – Иди куда хочешь.

Так они и добрались до бара – Никита и поросёнок.

В баре обнаружили посетители – человек пять. Прокалённые солнцем тайцы в разноцветных футболках сидели за столиком и что-то клевали из мисок, негромко переговариваясь. Когда Никита и поросёнок появились в их поле зрения, мужики одновременно, как по команде, перестали есть и уставились на них, как пассажиры машины, едущей утром из ночного клуба, на автоинспектора.

Вир, заметив Никиту, показал ему большой палец, а потом увидел поросёнка, плетущегося следом, и засмеялся.

– Что смешного? – мрачно спросил Никита. Он устал, хотелось есть, опять – пить, да и похмелье всё же не прошло.

– Это поросёнок моей матери, – сказал Вир, улыбаясь. – Он всё время убегает, и его никто не может поймать. Мать уже три раза хотела сделать из него пок чан, но для этого нужно поймать поросёнка, а такое пока ещё никому не удавалось. Мы решили, когда приедет полицейский из соседней деревни, попросим его пристрелить поросёнка из автомата. Но теперь нет. Теперь он выбрал тебя, и прирезать поросёнка придётся тебе. Завтра будет пок чан.

– Не буду я никого резать! – возмутился Никита. – Что это вообще значит «поросёнок выбрал тебя»? Куда выбрал?..

– В проводники! Ты отведёшь его душу в мир духов, – очень серьёзно сказал Вир. Мужики за столиком смотрели на Никитку и прислушивались к разговору с таким видом, словно перед ними священник принимал исповедь тяжелобольного. – Сейчас душа поросёнка мается в нашем мире и ждёт, уже много недель ждёт, когда появится тот, кто освободит её. И вот такой человек нашёлся. Духи джунглей прислали тебя.

Видимо, у Никиты в этот момент был настолько ошарашенный вид, что Вир не сумел сдержаться – отвернулся и захихикал. Хихикая, он бросил мужикам за столиком пару фраз, и те вдруг, как по команде, захохотали, размахивая руками и демонстрируя в провалах ртов пеньки редких зубов.

Никита растеряно обернулся на поросёнка, не зная, как себя вести. Поросёнок лежал в тени, отбрасываемой домом, и притворялся мёртвым.

– Я пошутил! – сквозь смех воскликнул Вир и стал серьёзным. – Расслабься, кхон фаранг. Нет никаких духов джунглей. Там же темно и страшно. Духи всегда живут рядом с людьми. Но они ждут душу свиньи сегодня на закате...

Видимо, Никита опять изобразил на лице какую-то эмоцию, которая вновь заставила Вира засмеяться. И тут Никиту, что называется, прорвало. Он пробежался между столиками, поднял один из пластиковых стульев и с грохотом шархнул им об пол.

– Ты что, мать твою?! – заорал он, тщетно стараясь наковырять в имеющемся запасе английских слов ругательства поразнообразнее. – Что, мать твою, тут вообще происходит? Джунгли, духи... Поросёнок этот долбаный, мать его! Ни позвонить, ни уехать! Двадцать первый век! Двадцать первый долбаный, мать его, век! Всё, хватит!!

Мужики взирали на беснующегося Никиту как на жреца неведомого культа – с благоговейным почтением. Вир кривил губы, видимо, не зная, как реагировать. Никита чуть подуспокоился и продолжил:

– Значит, так! Давай, как положено во всём цивилизованном мире, открывай мне кредит, предоставь меню, я сделаю заказ, а потом, когда доберусь до своих, оплачу. Ты понял меня, Вири... Как там тебя? Вир, короче. И налей мне пива. Большую кружку! И прогони этого чёртового поросёнка...

Тут Никита осёкся и замолчал в глубоком изумлении. Дело в том, что за время его отсутствия стену бара украсила новая картинка. Это была распечатанная на принтере фотография Никиты с бокалом пива, которую накануне сделал Вир. Подпись по-тайски Никита, естественно, не понял, но сам факт появления картинки его насторожил, расстроил и обескуражил.

А ещё больше насторожило, что мужики за столиком нет-нет, да и бросали странные взгляды на распечатку. И многозначительно переглядывались.

– Это что ещё за хрень? – тихо и угрожающе спросил Никита, делая шаг к Виру и тыча в фотографию. – Это тут на фига?

Вир, видимо, был прирождённым торгашом – он сразу почувствовал, что безобидная истерика странного фаранга закончилась и наступило время серьёзных слов и поступков. Несколько быстрыми и короткими фразами он «вымел» из бара мужиков – причём каждый, уходя, персонально поклонился Никите, открыл дверь в заднюю комнату и поманил его за собой.

В комнате было темно, душно, сильно пахло специями и старым матрасом.

– Ну и? – хмуро спросил Никита. – Зачем ты меня сюда привёл?

Вир зажёл лампу дневного света, достал из крохотного холодильничка бутылку местного рома «Санг сом», поставил на стол пару стаканчиков и пригласил Никиту присаживаться.

– Да не хочу я пить, – замотал головой Никита. – Я поесть хочу! И пива. Я тебе говорю – открой мне кредит. Потом я всё оплачу...

– Не могу, – развёл руками Вир. – Я взял этот бар в рассрочку у банка по остаточной стоимости. И по законам королевства Таиланд не имею права торговать в кредит. Только за наличные.

– Охренеть! – выдохнул Никита и рухнул на стул. – И зачем тогда мы тут? Мог бы сказать мне всё это на свежем воздухе...

– Я не могу открыть тебе кредит, – хитро усмехнулся Вир, – но имею полное право сделать выгодное предложение. Ты – иностранец. Фаранг. Наш гость. Именно поэтому я повесил там, в баре, твой портрет.

– Поясни, – попросил Никита.

– Давай выпьем, это хороший тайский ром. Выпьем, и я всё расскажу.

Никита взял стаканчик, чокнулся с улыбающимся Виром и выпил. Он уже имел сомнительное удовольствие пить «Санг сом» и не ожидал чуда, но на его усталый организм сто грамм рома оказали поистине живительное действие. В животе бесшумно взорвалась тепловая бомбочка, исчезла дрожь в руках и ногах, а голова прояснилась.

– Портрет – это по нашим, тайским, законам, так положено, – заговорил Вир, жестикулируя и по-прежнему улыбаясь. – Если человек потерялся, пропал, не может вспомнить своего имени, нужно вешать портрет. Чтобы духи помогли!

– Опять духи... – с тоской простонал Никита.

В жестяную дверь немедленно кто-то заскрёбся, страшно и настойчиво. Словно бы и вправду духи со всего Таиланда собрались там и пытаются теперь добраться до Никиты с разными нехорошими целями.

Вир крикнул что-то по-тайски и бросил в дверь тапок. Дверь загудела, как гонг, и звуки прекратились.

– Портрет, – продолжил Вир, – нужен для того, чтобы кто-то опознал человека, и ему смогли оказать помощь.

– Да кто меня тут узнает! – не выдержав, опять заорал Никита. – Я тут никогда не был! Я даже не знаю, где это вообще – тут...

– Не кричи, – мягко остановил новую истерику Вир. – Есть один способ. Завтра рано утром я поеду в соседнюю деревню, в Конг Ме. Там есть полицейский участок. В участке – рация. Я покажу твой портрет и попрошу полицейских связаться с их начальством в Чианграе. А там уже точно знают, что делать. Возможно, за тобой даже прилетит вертолёт.

– С чего бы это? – не понял Никита. – И это... Почему бы нам не поехать вместе?

– Ты что! – вскинулся Вир, и его крохотные узкие глазки вдруг сделались большими и круглыми, как у персонажа из манги. – До Конг Ме сорок семь километров по джунглям.

– Ну, мы же не пешком пойдём, – пожал плечами Никита. – Сам сказал – поедем.

– В джунглях, – наклонив голову, доверительно сказал Вир, – «красные кхмеры». Ты – фаранг. Мы не доедем.

– Почему?

Вместо ответа Вир красноречиво провёл большим пальцем по шее и сделал зверское лицо.

– Да ладно, – не поверил Никита. – Кто это вообще такие – эти твои красные... как ты их назвал?

– Красные кхмеры, – важно сказал Вир и откинулся на спинку стула. – Это повстанцы из Камбоджи и Лаоса. Они ненавидят всех фарангов, потому что они против капитализма. Фарангам они отрезают голову во славу Кала-Макса.

– Кого?! – не понял Никита. – Может быть, Карла Маркса?

– Вот! – торжествующе поднял вверх палец Вир. – И ты о нём тоже слышал. Нет, вместе мы никак не сможем добраться до Конг Ме. Так что ты подождёшь здесь. Поживёшь у моей мамы. А я вернусь через пять дней...

– Как через пять?! – снова не сдержался и в третий раз заорал Никита. – Ты же сказал – сорок семь километров! Можно за один день туда-обратно пять раз сгонять!

– Это по карте сорок семь, – вздохнув, развёл руками Вир. – А по дороге долго ехать. Утром выезжаешь – после обеда там. В обед выезжаешь – вечером там. А ночью... ночью ездить нельзя.

– Красные кхмеры? – догадался Никита.

– Духи джунглей, – опять вздохнул Вир.

В дверь заскреблись с новой силой.

– Я сейчас сдохну, – сказал Никита.

– Нет! – радостно вскинулся Вир. – Пока я буду ездить, ты станешь работать на мою маму, я уже договорился. Ты же хотел работать? А за это она будет тебя кормить и поить. И ты не сдохнешь. Это и есть моё выгодное предложение. Ну как, согласен? По рукам?

Никита без слов взял бутылочку «Санг сома», налил себе полный стаканчик и так же молча выпил.

Глава шестая

Матерью Вира оказалась та самая пожилая женщина, что гонялась за поросёнком. Идею сына она, вероятно, приняла не так радужно, как живописал таец. Во всяком случае, после того как Вир представил ей Никиту, а Никита изобразил вежливую улыбку, она очень долго и не очень дружелюбно выговаривала что-то сыну, кидая на фаранга косые взгляды. Наконец Вир излишне бодро закончил беседу, попрощался, сел на выдавший виды мопед и укатил, оставив Никиту наедине со своей матушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.